Африканская охота для дам

Автор:
Мария Жукова-Гладкова

Африканская охота для дам

Мария Жукова-Гладкова

Бизнес-леди #4

Отправляясь на африканское сафари, Лана никак не думала, что ей там придется спасать свою жизнь. Так хотелось отдохнуть, но получилось… как всегда: таинственное убийство в самолете, непонятная гибель двоих сибиряков в бассейне, неожиданный расстрел почти всех посетителей в ресторане… Кажется, кто-то решил начать сафари раньше, чем оно будет объявлено. Чтобы выжить, Лана должна выяснить, что за «дичь» на самом деле является целью охоты. И кто главный охотник?

Мария Жукова-Гладкова

Африканская охота для дам

Автор предупреждает, что место действия романа является вымышленным в отличие от многих африканских реалий, списанных с натуры. Все герои – плод авторского воображения. Сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

27 декабря 200… года. Понедельник.

Десять тысяч метров над землей.

Салон «Боинга-747», следующего по маршруту Париж – Хабебе

Клиенты возжелали поехать в Африку. Желание клиентов для меня – святое. Я – директор турфирмы и считаю себя обязанной выполнять все прихоти тех, кто ко мне обращается. Не сделаю этого я – клиенты уйдут к другим, к тем, кто все выполнит, а терять клиентов совсем не хочется. Как жить-то тогда? А жить хочется хорошо, и не только мне, но еще и моим сыну с братом, находящимся на моем полном иждивении, проще говоря – сидящим на моей шее. Сашке, сыну, пятнадцать, он учится в школе; брату, Косте, сорок семь, на десять лет больше, чем мне, и он сидит дома и ведет наше общее хозяйство. Это у него получается гораздо лучше, чем зарабатывание денег. У меня ведение хозяйства, возможно, тоже получилось бы, но я терпеть не могу готовить, тем более стирать, гладить и убирать, поэтому предпочитаю содержать всю нашу семью, состоящую, за исключением моей персоны, из особей мужского пола: у нас еще живут кот, постоянно желающий свернуть шею попугаю, и сам попугай, постоянно искушающий кота. Обязанности по сохранению мира в семье (в смысле, между животным и птицей) возложены на Костины плечи, так как он большую часть времени проводит в их обществе.

Я собралась ехать вместе с первой группой, отправлявшейся в Замбару: следовало посмотреть условия своими глазами, чтобы потом отправлять группы по накатанному маршруту и быть в состоянии ответить на все вопросы туристов. Решила взять сына и брата с собой в Африку. Не могу же я своих бросить на Новый год? А клиенты желали встретить праздник в Замбаре. Да и вообще, мы с Сашкой уже неоднократно выезжали на Новый год в жаркие страны, правда, раньше бывали только на островах. Костю я никогда с собой не таскала, но тут он очень загрустил, узнав, что мы опять собираемся его покинуть на Сашкины каникулы. Жалко стало брата. Один он у меня, и других никогда уже не будет. Животных на время отдали нашим с Костей родителям, которые принялись охать и ахать, узнав, куда мы все намылились. Нас предупреждали о СПИДе, свирепствующем в Африке (мама где-то вычитала, что в ЮАР уже не хватает кладбищ для захоронения жертв «чумы двадцать первого века»), а также о воинственных папуасах, убивающих всех белых подряд.

Успокаивать родителей, как и обычно, пришлось Косте (мы с Сашкой давно научились ловко уворачиваться от этой обязанности), за что он ежевечерне получал от меня разрешение на бутылку пива. Большую дозу алкоголя братцу позволить нельзя – тогда он не сможет заниматься домашним хозяйством. И вообще, его организм почему-то в последнее время плохо принимает спиртное: чуть переберет – и проводит ночь в обнимку с унитазом. Возможно, количество перешло в качество. Но, несмотря на неприятные последствия, братец страдает без зеленого змия и всегда просит пива в награду за совершенные им подвиги в ведении нашего домашнего хозяйства.

На тему африканских болезней я говорила с родителями лишь один раз, пояснив, что мы направляемся не в ЮАР, а прививки от желтой лихорадки все давно сделали. Помню я эту прививку – подверглась сей процедуре перед тем, как слетать в Бразилию (она делается на десять лет). Вернее, помню не саму прививку, а так называемый «инструктаж», проведенный теткой преклонного возраста, отродясь не бывавшей ни в одной жаркой стране, судя по той чуши, которую она несла.

Для начала инструктируемым (за наши денежки – и вакцину, и инструктаж оплачивает клиент) было заявлено, что «ихние» комары кусают только европейцев: своих они уже покусали. Я не смогла сдержаться и спросила – как «ихний» комар определит, что я из Европы? По паспорту? Тетка странно посмотрела на меня и в точности повторила прежнюю фразу. Но от меня так просто не отделаешься, в особенности если я выложила свои кровные. Я тоже повторила свой вопрос и потребовала подробных объяснений мотиваций поступков «ихних» комаров. Медсестра, также находившаяся в кабинете и не страдавшая маразмом, с трудом подавляла истерический хохот.

Ответа на свой вопрос я так и не получила, вместо него мне выдали дополнительные рекомендации: взять с собой два больших куска марли. «Зачем?» – спросила я. Оказалось, что один лоскут следовало повесить на окно, чтобы комары не залетали, второй – над кроватью, сделав нечто типа полога. Я попыталась объяснить, что во многих гостиницах в жарких странах окна не открываются вообще (они заперты наглухо, чтобы постояльцы их не отворяли: ведь везде работают кондиционеры, зачем же зря расходовать мускульную энергию?), а если постоялец и может открыть окно, то делать он этого не станет: жара же на улице!

– Вот именно, – сказала тетка. – Как же вы будете спать с закрытым окном в жару? Откроете окно вечером – и тут же комары налетят.

С трудом сдерживаясь, я опять объяснила про кондиционеры. Но закончить не успела: последовал вопрос о моих доходах. И откуда, мол, только люди берут деньги на такие поездки? Вот в медицине… Даже тем, кто отработал больше тридцати лет…

Я спокойно заявила, что по образованию я – медсестра и оттрубила два года в Афгане, а потом, чтобы содержать семью, ушла «в туризм». Сейчас много возможностей для зарабатывания денег. В медицине, кстати, тоже – для высококвалифицированных специалистов (кинула я камушек в огород инструктирующей).

– Ах, вы медик? – воскликнула тетка. – Ну, тогда вам и напоминать не надо, что по возвращении вы должны сходить в районную поликлинику и сказать, чтобы на вашу карточку наклеили красный треугольник.

– Зачем?! – простонала я. Чтобы не вызвать новый поток ее речей, я не стала объяснять, что у меня отродясь не было карточки в районной поликлинике и заводить ее (даже без красного треугольника) я не собираюсь.

– Как прибывшей из жарких стран, – отчеканила тетка и углубилась в рассказ о страшных болезнях, которые могут начать меня преследовать по возвращении. Я их, видите ли, просто должна подцепить в «своей» Бразилии, а проявиться они могут позднее, и врачам (из районной поликлиники) надо знать, от чего меня потом лечить.

«Да врачи из районной поликлиники отродясь человека с болезнями жарких стран не видели! Хотя бы потому, что те, кто по жарким странам ездит, в районных поликлиниках не лечатся», – хотелось рявкнуть мне, но я сдержалась, приложив волевое усилие. «Чем раньше тетка выговорится, тем быстрее ты отсюда уйдешь», – сказала я самой себе.

Наконец я дождалась того счастливого момента, когда мне сделали прививку и я смогла покинуть здание поликлиники. Теперь, отправляя туристов на укол, я предупреждаю, к чему им следует быть готовыми и что мы в турфирме за маразм сотрудников медучреждений ответственности не несем.

Полезную информацию (то есть предупреждение) я смогла получить только от медсестры: десять дней после прививки нельзя употреблять алкоголь, даже пиво. Вот о чем надо было предупреждать во время «инструктажа», а не об «ихних» комарах.

Кстати, в Бразилии я не встретилась ни с одним кровососущим, правда, была только в Рио-де-Жанейро. Местный гид объяснила нам, что бразильские санслужбы очень серьезно борются со всякими мошками, даже самыми безобидными. Если в городе появляется хоть какая-то мошкара, гнездо этих тварей в течение двух недель заливают химикатами. Предыдущая мелкая летучая тварь появлялась семь лет назад… Даже некому было заглянуть в мой паспорт! И вообще, прививку было делать незачем: в Бразилии с желтой лихорадкой покончили в двадцатые годы двадцатого века, и эта прививка для въезда в страну не требуется, просто наша отечественная медицина снимает деньги.

Но перед полетом в Африку я не могла точно сказать, потребуется там прививочный сертификат или нет, и велела всем клиентам, у кого эта прививка не сделана, на самом деле уколоться и в течение десяти дней воздерживаться от интимного общения с зеленым змием. Африка – это все-таки не Южная Америка. Но оказалось, что прививка сделана у всех: клиенты, собирающиеся со мной на сафари, успели побывать хоть в одной стране, перед поездкой в которую из турфирмы их отправляли уколоться. Вот и прекрасно.

Мы летели через Париж: этот путь оказался самым удобным. Признаться, из всех западных авиакомпаний я поставила бы Эр Франс на последнее место – из-за скудной кормежки. Но при вылете из Питера у них получаются удобные стыковки по нескольким популярным направлениям, и эта авиакомпания – далеко на самая дорогая, плюс предоставляются очень хорошие скидки на группы. Клиентов я предупредила, чтобы взяли с собой в самолет закуску: в небесах пожрать не купишь ни за какие деньги. Сама дала задание братцу.

Рейс на Хабебе (столицу Замбары) получался ночным: три с половиной часа из Питера до Парижа, три часа в Шарль де Голле – и вперед, к цели. Ну, не совсем, конечно – мы не собирались долго задерживаться в Хабебе, нас в Замбаре интересовали другие места.

События начали бурно развиваться в «Боинге-747», в который мы загрузились в Париже.

В нем оказалась не только питерская группа, к нам также подключились люди, прилетевшие в Париж Аэрофлотом из Москвы. Та группа, по большей части, включала сибиряков, летевших погреться в Африку из занесенных снегом просторов родной страны.

Мужики уже успели «нагрузиться» по пути в Москву, потом и в столице, добавили по пути в Париж, в аэропорту Парижа продолжили. Также отоварились в магазине дьюти-фри качественным иностранным питьем, бутылки громко позвякивали, когда группа сибирских мужиков, поддерживая друг друга, следовала от автобуса к трапу, а потом с большим трудом взбиралась по ступенькам. Едва опустившись в самолетные кресла, мужики решили отметить вылет из Парижа и открыли очередную бутылку виски.

Костя, Сашка, я и моя давняя подруга Вера, с которой мы учились в одной школе, но сошлись только после моего возвращения из Афгана (у нас разница в возрасте – шесть лет), сидели в центре салона, где четыре кресла соединены вместе. Сибирские мужики заняли шесть кресел у окна – два ряда друг за другом. Кресла перед нами занимали Алексей Петрович Карташов (он же – Афганец, с которым у меня то вспыхивает, то затухает любовь) с соратниками. Они и составили костяк клиентов моей турфирмы. Остальные туристы рассредоточились по всему салону. Алексей Петрович устроился у левого прохода, прямо передо мной. Рядом с ним восседал его верный телохранитель Вовчик, которого я иногда про себя именую «двустворчатым шкафом» (уж очень похож, в основном габаритами и «ловкостью»), ему в затылок смотрел мой сын. Рядом с сыном сидела Верка, сжимавшая руку моего братца, боящегося самолетов. Братец много лет питает к Верке страсть, которую она иногда удовлетворяет, в основном чтобы подвигнуть Костю на какие-то действия, необходимые нам обеим. После сеанса любви с Веркой Костя готов на любые подвиги.

Но Верка не собирается связывать свою судьбу ни с одним мужчиной, она – высококлассная и очень дорогая жрица любви, и это – ее призвание. Правда, в последнее время подружка стала задумываться о будущем (ведь как-никак ей тридцать один год) и поэтому использует все способы обогащения. На протяжении предыдущих двух лет мы с ней неоднократно впутывались во всякие истории, и во всех случаях Веркиной главной мыслью были деньги, хотя

часто нам следовало бы думать только о спасении собственных жизней. Но пока что мы живы, стали богаче, приобрели неоценимый опыт и, что, по-моему, самое главное, – спасли немало людей: от смерти, от вовлечения в различные секты и от других напастей.

Стоило французским стюардессам начать демонстрацию использования спасательных жилетов, как ближайший ко мне сибиряк, сидевший через проход, высосав очередной стакан виски (у ребят с собой были пластиковые стаканчики), спросил на весь салон:

– Народ, кто знает, почем тут бабы?

– Вот эти? – уточнил Афганец, показывая пальцем на французскую стюардессу, продолжавшую демонстрировать, как именно следует надувать спасательный жилет (текст шел вначале на французском, потом на английском, поэтому наши мужики, по всей вероятности, владеющие только родным, блатным и народно-матерным, ничего не понимали).

– Ага, – кивнул сибиряк. – Мы сейчас с друганами поспорили, что я ее трахну перед ужином.

– Наши женщины лучше, – молвил телохранитель Вовчик и скосил глаз на меня. Ему, подозреваю, было неуютно оттого, что мы с сыном находились сзади. Вовчик привык ждать от нас всяких гадостей, от меня в особенности.

– Спору нет! – молвили сибиряки хором. – Наши, конечно, лучше. Но с нашими тут напряженка. Да, сейчас бы какую-нибудь нашу бабенку сюда…

Мы с Веркой переглянулись через Сашкину голову и улыбнулись друг другу, потом обратили взоры на сибиряков, на весь салон французского самолета расхваливающих достоинства русских женщин. Жаль только, иностранцы их не понимали. Нам с Веркой было очень приятно!

К обсуждению преимуществ русских женщин перед всеми остальными подключились Афганец, Вовчик и их соратники. Не исключаю, что Лешка делал это из корыстных соображений: он, по его собственному признанию, никогда не знает, что я выкину следующим номером, поэтому, наверное, решил задобрить нас с Веркой, а то еще «порадуем» его чем-нибудь в Африке.

Мои мысли совпали с Сашкиными (но вообще-то мы – мать с сыном, и они у нас часто сходятся, в особенности в критических ситуациях).

– Вы бы уж прямо говорили, дядя Леша, что мама для вас милее всех на свете, – проворковал сынок в коротко стриженный Лешкин затылок. – А то глядите, подстрелит она вас невзначай на охоте! Вы же знаете, как мама умеет стрелять.

– Знаю, – процедил Лешка и повернулся ко мне: – Признавайся, Ланочка: удалось что-нибудь протащить через таможню или как?

Лешка посмотрел на меня волком. Я сделала невинные глазки, как, впрочем, и Сашка с Веркой. Признаться, за последние два года я настолько привыкла к оружию, что чувствую себя без него неуютно. В нашем городе на Неве жизнь постоянно бьет ключом, и ходить по улицам без оружия стало просто опасно. Но ведь в самолет (иностранной авиакомпании) не пронесешь ни пистолет, ни автомат, ни гранатомет. С нашими-то летчиками, подозреваю, можно было бы договориться. Хотя есть штучки, которые не берут рентгены в аэропортах. Я не могла не прихватить парочку – на всякий случай. По паре «игрушек» взяли и Верка с Сашкой. Костю мы не стали посвящать в наши дела: потом пришлось бы извести на братца литр валерьянки, от вдыхания паров которой опьянел бы наш кот. Животное было жалко, братца тоже, поэтому мы прихватили «ручки», не сообщив Косте об этом.

Верка не дала мне ответить и с профессиональной ласковостью улыбнулась ближайшему сибиряку – тому, который сидел от меня через проход.

– Котик, – обратилась она к нему, – а сколько ты готов заплатить?

– За эту? – Мужик ткнул пальцем в стюардессу, уже появившуюся с тележкой, на которой стояли напитки. Тут мимо нас проследовала вторая аэродива и стала помогать первой разливать соки, воды и спиртное. – Сейчас подойдут – договорюсь.

– На каком языке вы думаете с ней договариваться? – вежливо поинтересовалась я.

– А? – удивленно посмотрел на меня мужик и махнул рукой: – Договорюсь как-нибудь.

И они с друзьями стали вспоминать, как в Таиланде договаривались с тайками по-тайски (заговорили они на этом языке после бутылки виски на брата), а с африканками – по-африкански (по выражению парня, как выяснилось, не в первый раз летевшего на Черный континент).

– Значит, переводчиком у нас в Африке будешь? – спросила я.

– А то! Я везде запросто объясняюсь. И, главное, все папуасы меня понимают.

Афганец тут же поделился впечатлениями от Карибов, где мы и познакомились. Там папуасы уже освоили русский язык.

– А папуасы очень быстро обучаются, – заметил второй сибирский мужик. – Я где-то читал, что у них речевой аппарат устроен подобно нашему.

Я внимательно посмотрела на говорившего. На первый взгляд его чело не было обезображено интеллектом, но это заявление об умении читать радовало. Мы будем общаться на отдыхе с культурными людьми!

Первый сибиряк уже спрашивал Афганца, откуда мы. Сами ребята представляли Салехард.

Умеющий читать сибирский мужик тут же заявил, что как раз перед дорогой купил книгу о нашем городе, чтобы почитать в самолете.

– А какую? – поинтересовалась я: меня распирало любопытство.

Парень извлек из прихваченной в салон ручной клади «Сексуально-маньячный Петербург».

– И почему у нас о Сибири никто ничего такого не пишет? Ну, я понимаю: наш Салехард – не такой уж и большой город. Но вся Сибирь-то? Неужели не набралось бы материала на книгу? Вон, о вашем городе – и тебе «Бандитский Петербург», и «Коррумпированный Петербург», и какой хочешь. Вот упущение

было – теперь издали и «Сексуально-маньячный». Я слышал, некоторые ваши люди дома эти книги в красном углу держат, открытые на той странице, где о них написано. Теперь вон и маньяки о себе почитают. А маньякам это обязательно надо! Маньяк книгу почитает – и людей резать не пойдет. Правильно, женщина?

Я кивнула и спросила, не хочет ли мужик сам написать о Сибири – со знанием дела. Взгляд изнутри, так сказать.

– Ну, я не по этой части… Я – читатель, но не писатель. Но поредактировать, наверное, смог бы.

– Давай, Витек, напиши! – хлопнул его по плечу друг, внимательно рассматривая обтянутый тугой юбкой зад приближавшейся стюардессы.

Остальные мужики предложили за это дело выпить. Афганец сказал, что нам сейчас всем выдадут питье с тележки и тогда мы и чокнемся за знакомство. Инициатива Алексея Петровича была поддержана на ура.

Стюардесса, которой давно следовало бы заподозрить что-то неладное, на свое горе, приблизилась к нашему ряду кресел – и ее тут же смачно шлепнули по заднице, а потом ловко и быстро усадили на колени. Стюардесса заверещала, ее коллега попыталась вразумить сибиряков. Стюардессы, обслуживавшие другой проход, замерли на своих местах, а потом одна из них бросилась в направлении кабины пилотов.

– Тощая баба, – объявил сибиряк, уже ощупав француженку. – Больше чем на пятьдесят баксов не потянет.

– Фу, какая дешевка, – сказала Верка. – А еще говорят: француженки, француженки! Я меньше чем за штуку баксов не отдаюсь.

Это не совсем соответствовало действительности, но ведь всегда вначале следует назвать максимальную цену, чтобы потом было с чего сбивать.

Услышав Веркино заявление, сибиряк выпустил француженку и внимательно посмотрел на мою подружку.

– Люблю женщин, которые дают не меньше, чем за штуку, – сказал мужик абсолютно серьезно.

Француженка заверещала что-то у него над ухом, но он отмахнулся от нее, как от назойливого комара.

– Так за чем же дело стало? – Верка хлопнула ресничками.

– Веруша! – простонал Костя.

– Мне тур надо окупить! – рявкнула на него подружка. – Не ты же мне этот вояж оплачиваешь? Ты бы, Костя, лучше подумал, кого из иностранных баб оприходовать. Вон посмотри на тех, что за нами устроились. – Верка лучезарно улыбнулась немолодым иностранкам. – Сколько можно сидеть у Ланки на шее?

– Вера, что ты такое говоришь?! – взвизгнул братец, потом обратился ко мне, требуя урезонить подружку.

Но я, с трудом сдерживая смех, поддержала Верку и заметила, что была бы очень рада, если бы Костя хотя бы отработал авиабилет. Напомнила на всякий случай о СПИДе и необходимости быть осторожным.

Тем временем сибиряки, которым уже надоели французские стюардессы, пытавшиеся провести с ними воспитательную работу на своем языке, на чистом русском предложили им проследовать во вполне определенном направлении. Стюардесса, недавно выпущенная сибиряком из его крепких мужских рук, молвила что-то в ответ, после чего тележку бросила и вместе с коллегой наш салон покинула. Неужели в указанном направлении?

Лешка спокойно взял с тележки самолетную бутылочку вина, отвинтил крышку и вылакал, можно сказать, одним глотком: влил в горло, как наши мужики умеют вливать маленькую чекушку водки. Иностранцы наблюдали за этим процессом с большим удивлением. Ближайший к нам сибиряк, представившийся Серегой, встал, взял с тележки шесть бутылочек вина, раздал своим друзьям, Афганец снабдил своих; мне ничего не оставалось, как обеспечить наш ряд. Между прочим, мужики могли бы побеспокоиться об этом!

В это мгновение в салон вбежали двое мужчин в летной форме, за ними следовали взъерошенные стюардессы. Мужчины попытались заговорить по-английски, эмоционально размахивали руками, грозили полицией, Интерполом и еще какой-то мурой, на которую наши люди уже давно не обращают внимания.

Во время их речи Серега, только что выпивший с Афганцем за знакомство, заснул и издал такую трель молодецкого храпа, что произносивший речь француз недоуменно замолчал и уставился на спящего. Тощая стюардесса, оцененная не более чем на пятьдесят баксов, опять заверещала на французском.

– Я есть хочу, – сказал мой ребенок по-русски, потом повторил фразу на английском, обращаясь к французу.

– Ребенок голоден, – тут же поддакнула я. Правда, ребенок уже выше меня ростом и шире в плечах. – Когда будет ужин?

О своем желании перекусить также заявил Вовчик, которому, чтобы насытиться, нужно съесть не менее десяти ужинов, подаваемых компанией Эр Франс. Вовчик, к моему большому удивлению, смог произнести эту фразу на английском без единой ошибки. Не исключаю, что он специально долго тренировался перед поездкой. Не все же папуасы понимают русский язык, а английский как-никак – международный. Вовчик, конечно, в крайнем случае, и сам может взять то, что ему нужно, но он – мальчик вежливый и понимает: некоторые люди не подозревают о его нежной душе, скрывающейся в большом теле. Они просто сразу же убегают, взглянув на выражение… э… того, что у других людей называется лицом, а если Вовчик еще и кулачок сожмет, размером с голову среднего человека…

– Минут через двадцать, – вежливо ответила одна из стюардесс. Эти девушки все-таки неплохо вышколены и умеют быстро приходить в себя. С нашими пьяными мужиками, правда, лучше справляются наши. Знают специфику контингента. Или французская стюардесса еще не поняла, с кем имеет дело: не видела пока кулачок «двустворчатого шкафа», да и на части организма Вовчика, именуемой у нормальных людей лицом, сияла улыбка. Ну, или Вовчик так думал, что это была улыбка. Главное: стюардессы не бросились врассыпную. Уже здорово!

– Женщина, – вдруг обратился ко мне сибиряк, сидевший за Серегой, – спросите все-таки у мужика, почем он своих баб продает?

«Мужик» переводил взгляд с сибиряка на меня. Мне-то что – я спросила. В салоне воцарилось молчание. Его прервал визгливый женский голос, по-русски заявивший из конца салона:

– Давайте вначале поедим, а потом трахаться будете! У вас целая ночь впереди. И зачем вам эти страшные французские бабы?

Затем тот же голос предложил какой-то Тане сказать, что она думает об этих французских воблах, и вкратце поделился с собравшимися впечатлениями от Парижа: бабы страшные, одеты черт знает во что, и все, что пишут о Франции и о французских бабах, – чушь полная. Или у мужиков глаз нет?

В конце салона, только в другом углу, заговорил мужчина (не очень молодой), вслух начавший вспоминать свой вояж во Францию в годы советской власти. Самые яркие впечатления были от возвращения на Родину. Вернулся мужчина в мае месяце, когда наши девочки со стройными ножками уже надели короткие юбочки, и так у мужика душа радовалась, на них глядючи… Мужик сказал, что на француженку он позарился бы только после месячного воздержания. Потом он обратился к сибирякам, предложив потерпеть до Африки. Негритоски, конечно, не русские, но весьма специфичны. Раз в год стоит попробовать. В любом случае, они обслуживают гораздо качественнее француженок, и причем дешевле.

– Ну вот, хоть один нормальный мужик нашелся, – порадовалась обладательница визгливого голоса.

– Да, я абсолютно нормален, – подтвердил мужчина. – Женщин предпочитаю наших. Желательно в теле. Вот вы мне очень понравились, дама. Сто очков дадите этим тощим стюардессам!

– Спасибо, мужчина. Так приятно вас слушать! Таня, ты смотри, какие у нас в России все-таки мужчины! Ну разве какие-то французы с ними сравнятся?

Мне очень захотелось взглянуть на участников беседы.

– Мадам, о чем они говорят? – тем временем спросил меня француз в летной форме.

– Об африканках, – ответила я. Как-то неудобно было переводить про француженок и французов.

– Месье советует подождать до Африки, – влез Вовчик по-английски. Я даже не подозревала о таком его знании языков! – Говорит, что негритоски качеством значительно выше ваших и дешевле.

Серега издал очередную трель храпа, Витек углубился в чтение «Сексуально-маньячного Петербурга», у их новых дружков чувство голода, видимо, пересилило сексуальные желания, поэтому четверо сибиряков почти хором (по-русски) сказали, чтобы французы кончали треп и быстро тащили жрать, и жестами показали, чего они желают.

Француз оглянулся на стюардесс. В другом проходе уже всех напоили и собирали стаканчики и бутылочки.

– Обслужите нас, пожалуйста, – вежливо сказала я, чтобы немного разрядить обстановку. – Наши мужчины нервничают, потому что голодны.

– Сейчас, мадам, – ответил мне француз и удалился вместе со стюардессами.

У тележек остался второй (видимо, стюард, призванный из другого салона), к нему вскоре присоединился коллега, и они довольно быстро обслужили нас и тех, кто сидел за нами.

Афганец, у которого со знанием языков были проблемы, уточнил, что я сказала членам экипажа.

– Объяснила кое-что из наших национальных традиций. У нас человека, как ты знаешь, принято вначале накормить, а уж потом вопросы задавать. А они тут бегают и визжат, вместо того чтобы выполнять свои обязанности. Я-то тебе, если помнишь, вначале даю пузо набить, даже если мне очень хочется запустить тебе в голову тарелкой.

Сибиряки, услышавшие мое заявление, опять восхитились чуткостью русских женщин и заявили Афганцу, что ему очень повезло с женой.

– Да я что, больной – на ней жениться? – взревел он. – С ней же вообще год знакомства за три идет, а уж в браке будет за все десять! Вы просто еще плохо знакомы со Светланой Алексеевной, с ее родственниками и любимой подружкой, – Лешка многозначительно посмотрел на нас всех по очереди. – Не советую подходить к ним близко. Никогда не знаешь, какой гадости от них ждать!

Афганец закатил глаза и отвернулся. Серега храпел, Витек зачитывал вслух отрывки про сексуальных маньяков, в частности о признаках, по которым их следует опознавать. Сибиряки пришли к общему мнению, что появлявшийся в наших рядах француз в летной форме очень похож на такого маньяка.

– Так! – вдруг воскликнул Витек на весь салон. – Тут в книге написано, как маньяки реагируют на различные предметы и действия. Мы сейчас французу палец покажем и посмотрим, что он сделает. Он нам грозил с землей связаться, чтобы нас там повязали? А может, это его надо повязать? Вызовем санитаров к трапу. Неотложную психиатрическую помощь! Вон телефоны-то есть.

В самолете в каждом ряду кресел на самом деле было по встроенному спутниковому телефону. Аппарат располагался в спинке предыдущего кресла – по одному телефону на ряд соединенных между собой кресел. В кармашке кресла лежала инструкция и были расценки на переговоры. Более того, сделав звонок, можно было стать участником лотереи: разыгрывался билет в любую точку земного шара – по выбору клиента (конечно, в те точки, куда летает Эр Франс), но только из Парижа. Насколько я помню, во время моего предыдущего полета этой авиакомпанией таким же образом разыгрывался билет на «Конкорд» по маршруту Париж – Нью-Йорк.

Вскоре в салоне появились два стюарда, они толкали тележку с аппетитно пахнущим ужином. Сибиряки стали обсуждать, не проверить ли и стюардов на «маньячность», и пришли к выводу: надо проверить – ведь на борту русские женщины, которым могут угрожать французские маньяки!

Следуя указаниям, опубликованным тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров, Витек вытянул в проход руку, подняв толстый указательный палец правой руки с

грязным ногтем. Сибиряки замерли, мы – тоже. Мне было страшно интересно: чем закончится дело?

Наконец один из стюардов заметил палец и дебильное выражение на лице Витька. На его собственном лице появилось удивление, потом он обратился к коллеге. Коллега толкнул тележку вперед, наехал ею на первого, тот чуть не упал, и они уже вместе уставились на палец Витька. Витек по-идиотски улыбнулся, сказал: «У-тю-тю!» – и поводил пальцем в воздухе. Стюарды опять переглянулись, что-то пролепетали друг другу, а потом ринулись прочь из салона. Тележка с ужином осталась стоять напротив нашего ряда.

– Точно маньяки, – объявил Витек. – Реакции – как описано в книге. Наши женщины только в этом салоне? – посмотрел он на меня.

– Вроде да.

– Ну, тогда не страшно. Потому что тут написано: увидев палец, маньяк может или в страхе затаиться, или, наоборот, броситься искать жертвы.

– Может, мне с маньяка по двойному тарифу взять? – задумчиво произнесла Верка вслух. – За две штуки баксов ведь можно и с маньяком, как считаешь, Ланка?

– Я думаю: лучше взять три с двух.

– Это мысль, – кивнула Верка и поднялась с кресла. – Еду на меня прихватите.

Афганец уже распределял ужины среди русских, затем внезапно застыл на месте. Поняв, что Лешка смотрит на иностранку, сидевшую за моей спиной, я обернулась.

А иностранка, в свою очередь, неотрывно глядела на Витька. Выражение ее лица не поддавалось описанию. Но, по-моему, оно все-таки выражало желание.

– Витя, – тихо позвал Лешка. – Взгляни-ка на тетку! Там в книге про баб-маньячек ничего нет? Вообще-то у нас в Питере они водятся. – И Лешка многозначительно посмотрел на меня.

– Но не сексуальные, – заметил Сашка.

– Сейчас поищем, что там у вас в городе с маньячками, – объявил Витек и стал просматривать оглавление. – Нет, про баб ничего нет.

Я заметила, что в Питере нет женщин, подобных французским стюардам, испугавшимся сибирского пальца, после чего повернулась к брату и приказала:

– Костя, за дело! Клиентка созрела. Мадам, – дотронулась я до ее руки, выводя из ступора, – не желаете ли познакомиться с моим братом? Костя, улыбку! И помни про СПИД.

– Дядя Костя, – тихо сказал Сашок, правда, его шепот слышали все питерские и все сибиряки, – сколько раз вам уже говорили: надо на приданое зарабатывать. Так что не подкачайте.

– Кому на приданое? – подал голос Витек, в очередной раз оторвавшись от сексуальных маньяков, чрезвычайно его заинтересовавших. – Светлане Алексеевне?

– Светлану Алексеевну я и без приданого возьму, – процедил Афганец. – Ну, если только с гранатометом в придачу.

Я невозмутимо напомнила, что лично у меня гранатометов отродясь не бывало. По этому поводу – к Вере Николаевне.

– Я подскажу тете Вере, что подарить вам на свадьбу, дядя Леша, – тут же вставил сынок.

Сибиряки заинтересовались нашей содержательной беседой. Серега больше не храпел и спрашивал, куда запропастилась главная в нашей компании гранатометчица. Витек обращался к Лешке, желая выяснить, намерен он все-таки на мне жениться или нет, а то он сам за мной приударит. Их третий товарищ хотел узнать, что еще есть в запасниках у нашей компании. Парень, сидевший за Серегой, спросил: из чего я предпочитаю стрелять? Сидевший за Витьком – доводилось ли мне кого-то убивать, последний в компании – не случалось ли мне бывать в зоне боевых действий?

Афганец решил взять на себя почетную миссию просвещения наших новых друзей – чтобы на всякий случай предупредить ничего не подозревающих мужиков, с кем им предстоит иметь дело на отдыхе. Нельзя расслабляться, когда поблизости находятся Ланочка с сыночком и любимой подружкой!

– А братца что, забыли? – подал голос спец по маньякам.

– Константин Алексеевич делает то, что ему велят сестра или Вера Николаевна. Костя, так ты идешь приданое зарабатывать? – посмотрел на него Лешка. – Вон иностранная маньячка тебя уже заждалась.

Сибиряки обратились теперь к Косте и уточнили, кому все-таки он намерен зарабатывать на приданое, если мне не надо. Племяннику?

– Нет, себе, – грустно ответил Костя. – Веруша обещала выйти за меня замуж, только когда у меня будет миллион долларов.

– Да, не видать тебе Верку в родственницах, – хмыкнул Афганец.

Костя тем временем пролез мимо нас с Сашкой и склонился над рукой иностранки, сидевшей за мной.

– Константин Никитин, – представился брат. – Домашний хозяин, – добавил он по-английски.

А дамочка-то оказалась испанской маркизой… Марией Идальго Мена Угалде. Какого черта она летит Эр Франс? У них же «Иберия» есть? Неужели ей через Францию удобнее? Костя спросил об этом даже без моей подсказки.

У дамочки, по ее заявлению, был дом не только в Испании, но и во Франции, и сейчас она двигала на отдых из предместий Лиона.

– Так, Костя, продолжай в том же духе, – шепотом сказала я. – Пригласи ее сесть рядом с собой. Верка – если вернется сегодня, – и за мной посидит. Действуй!

Костя подхватил маркизу, нажав на кнопку, вызвал стюарда, попросил принести вина, и они увлеклись оживленной беседой. Сашка закатил глаза.

– А чего он дальше с ней будет делать? – поинтересовался Серега, кивая на моего брата.

– Женится, она отпишет ему свое имущество, – заявил Афганец. – А потом Светлана Алексеевна в компании с сыном и подружкой отправят новую родственницу к праотцам-маркизам. После чего Константин Алексеевич получит наследство и спокойно женится на Вере Николаевне. А может, придется ему еще на какой-нибудь баронессе, графине или принцессе жениться. Вначале надо выяснить, какое у этой состояние, – Афганец кивнул на склоненную к Косте головку маркизы.

Витек сказал задумчиво, что им с мужиками тоже не помешало бы жениться на баронессах или принцессах. Только вот как от них потом избавиться, чтобы лишних проблем не возникло?

– Проконсультируйтесь у Светланы Алексеевны, – предложил Лешка с улыбкой удава. – Я, если бы сам решил заработать себе на приданое, обязательно обратился бы к Ланочке. Ну, или к Верочке. Им удается очень ловко избавляться от трупов!

Я слегка покраснела. Сибиряки смотрели на меня с большим интересом. Афганец же заливался соловьем: я поняла, что он здорово пьян. Он поведал мужикам, что я начала набираться боевого опыт в Афгане, правда, там, к его большой радости, мы не встречались, а то он бы уже или повесился, или свихнулся, ну, или в лучшем случае спился бы, как два моих мужа. Затем Лешка рассказал, как я владею разными видами оружия, а уж что есть в наших с Веркой запасниках – об этом не знает никто, кроме нас самих. Лешка не уверен, что мы сами помним полный качественный и количественный состав прихваченного нами с мест боевых действий добра.

– Вы оружие из Афгана вывозили? – уточнил Витек у меня.

– Питер и область – это тоже зона боевых действий, – невозмутимо заметила я.

– А… – протянул Витек, потеряв интерес к теме.

– Светлана Алексеевна, а что вы все-таки предпочитаете из средств самообороны? – спросил выспавшийся Серега.

Я для начала попросила называть меня просто Ланой, а то с отчеством чувствуешь себя старой, потом сказала, что как-нибудь, при случае, продемонстрирую свои таланты на практике. Мы сейчас все-таки в самолете летим… Я многозначительно посмотрела в потолок. Лешка тут же вспомнил, как я случайно прострелила потолок в его квартире. Я скромно потупилась.

– Мама, – дернул меня за руку Сашок. – Баронесса, или кто она там, дяде Косте уже какие-то фотографии показывает.

Афганец, Вовчик и два их соратника тут же обернулись назад.

У Марии Идальго Мена Угалде имелось не два дома, как она говорила, а два замка – судя по тому, что было изображено на снимках.

– Не понимаю, почему она тогда летит экономическим классом? – высказал разумную мысль сынок. – Обманывает, наверное, дядю Костю. Аферистка испанская! Мама, мы должны быть настороже! Дядя Костя-то у нас один, и он не умеет противостоять женщинам.

– Общение с мамой и тетей Верой должно было его многому научить, – заметил Вовчик, повернулся к нам и осклабился.

– Он просто уверен, что мы его отовсюду вытащим. Спасли же мы его из склепа, где его держали амазонки? И тебя, кстати, тоже, – напомнила я «двустворчатому шкафу».

– А почему в самом деле не первым классом? – подал голос Серега.

Мне, как директору турфирмы, пришлось выступить с пояснениями: Новый год и Рождество (католическое) – это так называемый высокий сезон, даже пик сезона. Самый большой спрос на туры, и они, кстати, самые дорогие. Если испанка не побеспокоилась об этом заранее, вполне могли остаться билеты только в экономический класс. А может, она и экономит. Это наши люди с широкой душой, есть бабки – все их тратят, а иностранцы – прижимистые. Мало

ли что у нее там замки… Они ведь вполне могут оказаться родовыми поместьями, доставшимися ей от прадедушки.

– Шепни там дяде Косте, чтобы он не вздумал случайно нашу квартиру маркизе показывать, – велела я сыну.

– Он что, такой идиот – мог взять с собой фотографии вашей квартиры? – посмотрел на меня Афганец. – Я понимаю, она свои замки показывает новым знакомым. Но у вас-то чем хвастаться? Ну, если только гранатами в холодильнике.

– Вы гранаты в холодильнике держите? – вклинился Витек. – А чего так? У меня тут в книжке, кстати, есть глава о том, что маньяки в холодильниках держат.

– Читай вслух, – велел Афганец.

Но о гранатах в печатном издании ничего сказано не было. В холодильниках у маньяков находили в основном части тел их прошлых жертв, причем у всех – разные.

– Интересная жизнь у вас в Питере, – заметили сибиряки.

– Так приезжайте в гости, – сказала я.

– Светлана Алексеевна вас со своим попугаем познакомит, – встрял Лешка.

– Костя как раз его показывает баронессе, – сообщил Олег, Лешкин друг. – Или она маркиза?

Сашка глянул через плечо дяди Кости и кивнул. Братец демонстрировал даме наших кота и попугая.

– Ланочка, – подал голос Витек, – а ваши гранаты в холодильнике не портятся?

– Нет, – совершенно серьезно ответила я. – Я у одного прапорщика специально уточняла. И после такого хранения мне доводилось их использовать на практике. Срабатывали прекрасно.

– Да уж, – хором хмыкнули Афганец, Вовчик и Олег Анатольевич. Потом также хором добавили, что надо бы выпить – за то, чтобы гранаты всегда взрывались только в нужном месте. Афганец извлек из ручной клади литровую бутылку «Финляндии».

Сибиряки тут же выставили «от нашего стола вашему» литр «Баллантайнз». Я поучаствовала в процессе, а Сашке запретила, заметив, что самолетной бутылочки вина ему более чем достаточно. Не надо уподобляться дяде Леше, дяде Косте и прочим дядям, с которыми ему приходилось общаться на протяжении своей жизни.

– Ланочка, как мужик может не пить, если он живет с тобой? – заметил Лешка.

– Ты со мной не живешь, Вовчик – тоже, Олег Анатольевич, Кошмарыч и остальные твои соратники не живут, господа из Сибири даже в нашем городе никогда не были, а ведь пьют? – возразила я весьма обоснованно.

Лешка хотел было что-то ответить, но не успел: над нашими головами прозвучал визгливый женский голос. Его обладательница желала взглянуть на наши пакеты для… гм… содержимого желудков. Эта дама уже выступала во время полета, но рассмотреть ее никому из нас пока не удавалось: вставать было лень.

Сейчас рядом с нами стояла тетка лет пятидесяти на вид, дородная, высокая, крашенная под блондинку и уже успевшая переодеться в длинные шорты, на поясе которых сверху нависало пузо. Вернее, животов у нее было несколько, и я затруднилась сразу определить их точное количество.

Я первой протянула руку к карману в переднем сиденье, на котором расположился Афганец, нашла там пакет и протянула его тетке. Она его внимательно осмотрела и вернула мне, вежливо поблагодарив, но заметила, что «тоже нет».

– Чего нет? – спросил Афганец.

– Символики, – сказала тетка.

– Серпа и молота, что ли? – не понял Афганец.

– Какого серпа и молота? Палочек наклонных и названия!

– Не понял, – процедил Серега и хватанул большой глоток виски прямо из горла.

– Мне нужен пакет с символикой авиакомпании, – пояснила тетка лично Сереге.

Он хватанул еще вискаря.

– Ну хочется бабе поблевать с символикой, – культурно объяснил всем Витек и опять углубился в книгу про маньяков, видимо, пытаясь выяснить, нет ли там чего-то и на эту тему.

Я же спросила – нет ли у тетки каких-то счетов с Францией? Она ответила, что нет, и попросила всех наших все-таки посмотреть на свои пакеты – в карманах, установленных впереди кресел, они должны быть.

Ни одного изделия с символикой компании не оказалось: это были простые бумажные пакетики, на которых ничто не указывало, что они произведены по заказу Эр Франс.

– Ну, хотите, я вам нарисую на нем эту символику? – предложил джентльмен Серега. – И поблюете себе спокойно.

В ответ дама порекомендовала ему надеть пакет на… гм… его мужское достоинство, назвав сей орган конкретно по-русски. Серега уже собрался ответить, но вдруг заметил двигающегося в нашем направлении мужика в летной форме, с которым наши уже один раз пытались общаться. Он подленько хмыкнул, дунул в пакет и поставил его торчком на штаны вполне определенным образом: создавалось впечатление, что он его надел как раз туда, куда и предложили. Затем Серега закрыл глаза, вытянул вперед ноги и попросил, чтобы его не будили.

Француз в летной форме резко притормозил у кресел нашей компании. А Серега уже издал трель молодецкого храпа. Я, признаться, поразилась его способности так быстро засыпать. Француз же неотрывно смотрел на пакет. Из ступора мужика вывел визгливый теткин голос. Она потрясла его за хлипкое французское плечо мощной русской рукой, явно переносившей тяжеленные

сумки, которые французу было бы не поднять в одиночку. Наша соотечественница по-русски попросила француза дать ей пакет с символикой авиакомпании.

Но бедняга еще не полностью пришел в себя. Он повернулся ко мне, способной, как он уже знал, общаться на иностранных языках, и спросил по-английски, зачем мужчина «это» сделал. «Потому что его женщина попросила, – ответила я, кивая на тетку. – У нас в России принято делать то, что женщина просит».

– Все так и было, – встрял Вовчик. – Все вопросы – к белокурой мадам.

Витек добавил, что у них в Салехарде желание женщины – закон. В особенности – для истинных джентльменов. После чего он опять углубился в чтение, чтобы выяснить, как относятся к желаниям женщин питерские сексуальные маньяки.

Француз хлопнул глазами, невольно скосил их вниз, на стоявший торчком пакет, но не успел ничего произнести – тетка завизжала на весь салон, опять требуя пакет с символикой. Иностранцы, уже начавшие было погружаться в сон, проснулись.

– Ну выдайте вы ей пакет, – произнес по-русски мужской голос из конца салона. – Пусть успокоится и даст людям поспать.

Мужчина попытался объяснить французу на его родном языке, что нужно даме. Окружавшие нас иностранцы без особой просьбы с чьей-либо стороны полезли в карманы кресел в поисках нужного пакета: наверное, всем хотелось, чтобы беспокойные русские наконец угомонились. Тетка тем временем схватила с моего столика остававшуюся там салфетку, на которой была символика Эр Франс, оторвала от салфетки кусок с логотипом, выхватила мой пакет из кармана, плюнула на кусок салфетки и пришпандорила его к пакету.

– Вот так надо. Понял? – И она ткнула свое «произведение» в нос французу.

– Мадам, – пролепетал он, – зачем вам такой пакет?

Я перевела вопрос.

– Я их коллекционирую! Я специально вашим «Франсом» полетела, потому что у меня еще нет пакета с вашей символикой. Так на фига мне было вашим самолетом лететь? Жратвы мало, невкусно, и пакетов нет! Я в суд на вас подам! Будете мне компенсировать моральный ущерб. Совсем оборзели, французские жмоты! Не могли изготовить или заказать пакеты с символикой! Ну-ка, скажи своим, чтобы они с землей связались и мне в аэропорт пакет принесли. А то я вам сейчас самолет по щепочкам разнесу!

– Тут не может быть щепочек, – заметил Афганец.

– Я так разнесу, что будут! – рявкнула тетка.

Лешка многозначительно посмотрел на меня.

– Не могли бы вы разносить самолет уже по приземлении, а то нам всем нужно в Африку, – вежливо попросила я.

– А мне куда же?! – воскликнула тетка. – Я давно мечтала на тигре покататься!

– Бедный тигр, – тихо сказал мой сын.

Из носовой части самолета появился еще один француз в летной форме. Как и первый, он опешил при виде спящего Сереги с пакетом на причинном месте. Затем оба француза стали тихо о чем-то переговариваться. Я в состоянии объясниться на французском, поэтому прислушивалась к их беседе, но, к сожалению, ничего разобрать не смогла.

Их беседу прервала наша соотечественница, своим визгливым голосом спросив, получит она наконец нужный ей пакет или нет. Второй француз только хотел что-то ответить, как в наш многострадальный салон с воплем ворвался какой-то мужик (судя по крикам – иностранец, причем немецкоговорящий), за ним неслась громко визжавшая Верка (но, по-моему, она работала на публику, Верку-то голыми руками не возьмешь), следом летел здоровенный бугай, держа в руках литровую закрытую бутылку водки. Мужик на чистом русском грозился прибить женщину легкого поведения Верку и проклятого фрица. Причем грозился он, используя вполне определенные выражения, понять суть которых мог лишь истинно русский человек.

Успевшие задремать иностранцы опять проснулись. Не придется ли Эр Франс платить им компенсацию за моральный ущерб? Но так им и надо, тут же подумала я про французскую авиакомпанию. Вечно морят людей голодом на многочасовых перелетах!

Иностранец, Верка и их преследователь неслись не по нашему проходу. Или Верка забыла, с какой стороны сижу я? Или это иностранец выбрал неправильную дорогу? Но он быстро исправил ошибку: сделал крутой поворот у туалетов в конце салона и понесся по нашему проходу, перегороженному мощной кормой коллекционерки пакетов. Коллекционерка развернулась и уперла руки в боки. Стояла она твердо. Мимо нее иностранцу было не проскочить. Бедняга (а он был невысокого росточка) уперся лицом в пышную теткину грудь и, видимо, почувствовал себя младенцем, которого мама сейчас спасет.

Верка увидела меня, каким-то немыслимым образом просочилась мимо тетки и плюхнулась на колени Афганцу, сидевшему передо мной.

– Спасайте! – выдохнула она. – Маньяк какой-то попался.

– По маньякам – это к Витьку, – изрек Афганец и вежливо попросил Веру покинуть его колени, не предназначенные для переноса и удержания тяжестей.

Верка даже не возмутилась, быстро перелезла к Вовчику и уже оттуда показала язык преследователю, затормозившему в проходе перед обнимающимися теткой и иностранцем. Французы в летной форме стояли, раскрыв рты. Серега издал очередную трель молодецкого храпа.

Я вдруг поняла, что все-таки заставило мужика с бутылкой водки затормозить и временно замолчать: он заметил пакет, своеобразно пристроенный на Серегином теле. Бутылку мужик опустил, иностранец тем временем стал поворачивать коллекционерку, словно в танце, и вскоре она оказалась затылком к преследователю. Иностранец же почувствовал себя в относительной безопасности рядом с представителями авиакомпании. Хотя я на его месте на них особо не рассчитывала бы.

– Что случилось? – спросила я шепотом у Верки, пока все собравшиеся приходили в чувство.

Верка просунула нос между креслами Афганца и Вовчика и сообщила нам с Сашкой, что «этот маньяк», оказывается, терпеть не может бундесов и считает Верку предательницей за то, что она только попыталась совершить с бундесом грех прелюбодеяния. Псих вспомнил сорок первый год и прочитал летящим первым классом пассажирам лекцию о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Выступал он на русском, а русских в первом классе летит только трое, считая маньяка. Бундес – Верка кивнула на несчастного, – правда, неплохо владеет русским и суть речи и, главное, угроз, понял. Почему-то он воспринял их всерьез, а когда маньяк замахнулся на него бутылкой водки, вскочил и побежал спасаться в туалете. Но оба туалета были заняты, поэтому бундес понесся вниз (первый класс в некоторых моделях «Боинга» находится как бы на втором этаже), Верка последовала за ним, чтобы не потерять ценного клиента, а маньяк – за нею.

– А с чего все началось-то? – спросила я. – Отчего наш завелся?

– Да мы орали – «дружба – фройндшафт», – сообщила Верка. – Помнишь, как в советские времена, когда к нам в школу приезжали немецкие друзья?

Афганец, внимательно рассматривавший очередного маньяка, заметил, что он слишком молод для участия в Великой Отечественной войне, даже в качестве сына полка.

– Может, у него на войне дедушка погиб? – предположил Сашка.

– А ты поинтересуйся у него самого, – ехидно предложила Верка.

Сашке что – он поинтересовался, демонстрируя свои самые лучшие качества, в частности вежливость и уважение к старшим.

Маньяк оторвался от созерцания пакета и уже собрался ответить моему ребенку, но тут встряла коллекционерка, как оказалось, обладающая великолепным слухом и слышавшая все, что рассказала Верка. Коллекционерка поинтересовалась пакетами, предлагаемыми пассажирам первого класса.

Маньяк с бутылкой перевел несколько затуманенный взгляд с Сашки на тетку (видимо, в руках он держал далеко не первую бутылку за сегодняшний вечер) и

спросил:

– А тебе-то его куда надевать?

Тут встрял осмелевший бундес и на очень неплохом русском поинтересовался, зачем спящий мужчина надел пакет туда, куда… гм… куда надел.

– Он ко мне приставал, – пояснила тетка, – и я сказала ему, что сделать.

– О! – воскликнул бундес и тут же углубился в воспоминания о своих посещениях нашей страны.

Оказывается, он всегда удивлялся богатству выражений русского языка. Однажды зимой он стал свидетелем удивительной сцены (удивительной для немца, не для русского). Мороз заворачивал под двадцать, но один из двух русских мужиков, только что вылакавших по бутылке пива, шел без шапки, держа ее в руке. Второй сказал ему, чтобы он надел шапку туда же, где сейчас находится пакет у спящего господина. Но мужик почему-то надел шапку на голову.

Немец попросил всех русских, летящих в салоне «Боинга», объяснить ему, почему тогда мужик надел шапку на голову, а сейчас другой мужик после аналогичного предложения надел пакет туда, куда просили.

– Потому что сейчас просила женщина, – исключительно вежливо сказал мой сынок. – А тогда – мужчина. Русские мужчины всегда делают то, что просят женщины. В особенности мужчины из Сибири.

– Дай-ка мне водочки хлебнуть, – сказала коллекционерка, обращаясь к маньяку.

– Стаканчик возьмите, мадам, – протянул чистый пластиковый стаканчик Витек, второй рукой судорожно листая фолиант о маньяках.

– Не могли бы вы принести стаканы, – обратилась я к французам в летной форме. – И вина, бутылочек десять. Красного.

Французы, хотя и не были стюардами, быстро закивали и поспешили удалиться. Вскоре появились стюарды с заказанным и с большим интересом посмотрели на спавшего Серегу, после чего нас поспешно покинули.

Афганец извлек из сумки свою бутылку водки и стал разливать в своем ряду. Верка, коллекционерка, я и Сашка, получивший от меня разрешение выпить капельку, предпочли французское вино. Костя так увлекся охмурением испанки, что забыл обо всем на свете. Сашка просто тихо сунул ему две бутылочки. Я радовалась: пусть братец поработает. Может, и в самом деле окупит хотя бы авиабилет. Коллекционерка опустилась на пустующее место испанки, сидевшей в Веркином кресле, бундес юркнул к ней на колени, маньяк пока оставался стоять.

– Слушайте, а тут табуретки никакой нет? – спросил он.

– Не предусмотрено, – ответила я.

– Женщина, а можно мне к вам примоститься? – осклабился маньяк. – Вон, как немчура к…

Он не успел договорить. Вернее, ему не дали. Афганец вылетел из кресла, аки ракета, и врезал ему в ухо. Маньяк рухнул на пол, и водка, которую он только что открыл, стала выливаться ему на грудь. Сибиряки не могли допустить такое зверство (в смысле – разливание водки), и сидевший за Серегой парень бросился ее спасать. Но получил в челюсть от поднимающегося маньяка. Два пацана, сидевших с ним на одном ряду, тут же бросились на подмогу товарищу. Маньяка быстро вырубили.

Внезапно я заметила, что зажглось табло: «Застегнуть ремни», а женский голос объявил по-французски и по-английски, что мы попали в зону турбулентности. Но русским было не до турбулентности.

К нам присоединилась подруга коллекционерки, которой было скучно сидеть сзади, в то время как события развивались у наших рядов.

– Нина, долго ты тут? – спросила подруга, перешагивая через валявшегося на полу маньяка.

Сибиряки уже распивали остатки водки, предварительно чокнувшись с нами.

– Дама, присаживайтесь, – предложил очнувшийся Серега. Я опять поразилась особенности парня быстро засыпать и просыпаться.

– Куда? – спросила дама, глядя на пакет.

Серегины глаза округлились, когда он увидел, что делается с его организмом, он повернулся к Витьку, с большим интересом читавшему про маньяков, и спросил, показывая пальцем на пакет:

– Откуда это на мне?!

– Ты сам его надул, – пояснил их третий товарищ.

– Не понял, – произнес Серега.

– Так мне садиться или нет? – напомнила о себе дама.

– Садитесь, – сказал Серега. Пакет захрустел.

Афганец опять предложил всем выпить за знакомство и поинтересовался, откуда дамы родом. Дамы ответили, что об их родном городе – они уверены – никто из нас никогда не слышал, даже мужики из Салехарда. Он находится недалеко от Ханты-Мансийска. Сибирь, в общем.

– Да, Сибирь у нас большая, – кивнул Витек. – Только и можно наших в Африке встретить. Или на Карибах. В лучшем случае на Канарах или в Таиланде.

– Надо бы других русских пригласить, – заметил Серега. – Тут, похоже, много наших.

– Сидеть негде, – сказала Нина. – Давайте уж, когда приземлимся, отметим по-хорошему. Правда, Танюш?

В это мгновение очухался маньяк, принял сидячее положение на подрагивающем полу (мы все-таки еще не вышли из зоны турбулентности), обвел мутным взглядом собравшихся, потряс головой. Все остальные наши уже расселись по местам, правда, не только по своим.

– И за что я в Афгане кровь проливал? – сказал мужик грустно, потом внезапно рванул рубаху на груди и продемонстрировал нам шрам длиной сантиметров десяти. – Вот! – рявкнул он. – Вы, суки, не знаете, что такое Афган! А я…

– Не ты один был в Афгане, – заметил Лешка невозмутимо.

Маньяк внезапно вспомнил, что получил в ухо именно от Лешки, и собрался было броситься на него, но тут уже я не смогла сдержаться и вытянула руку через проем, перегородив дорогу.

– Успокойтесь, мужчина! И сядьте на то место, где сидели. Вы в самом деле не один были в Афгане.

– Ты, что ли, там была?! Да ты себе представить не можешь…

– Могу. Я два года работала медсестрой.

– Лана, ты не должна ему ничего объяснять! – рявкнул Лешка.

– Лана? – переспросил маньяк, как-то странно меня разглядывая. – Неужели это ты? В восемьдесят втором ты была в Афгане?

– Ну.

– А мы еще тогда гадали, какое у тебя полное имя… – расплылся в идиотской улыбке маньяк. – И даже спорили с ребятами. Лана, ты же меня тогда выходила… Ты ведь в Афган поехала, потому что твоего парня там убили? Я помню! А потом там замуж вышла и домой уехала. Многие девчонки так вышли… Правильно! Нечего вам там было делать!

– Как это нечего? – спросила я, судорожно пытаясь вспомнить мужика. Но как тут вспомнишь? Столько лет минуло, Сашке, вон, уже пятнадцать. Да и тогда

через мои руки прошло столько раненых…

А маньяк уже углубился в воспоминания на пару с Лешкой. Потом спросил, не за Лешку ли я вышла замуж в Афгане, – теперь маньяк понял, почему тот врезал ему в ухо, и претензий к нему не имел. Они, как водится у мужиков, уже хряпнули водочки за знакомство и примирение. Лешка многозначительно посмотрел на меня, но, видимо, решил не объяснять подробно своеобразие наших отношений и просто сказал, что мы не супруги и познакомились только два года тому назад. К счастью.

Последнюю фразу мужик понял по-своему и заверил Лешку, что ему здорово повезло с женщиной. Мне было приятно слушать эти речи, и я посмотрела на мужика повнимательнее. Я всегда мечтала о мужчине, для которого стану центром Вселенной. От Афганца подобного ждать не приходилось. Верка тем временем миловалась с Вовчиком, которому она иногда уделяет внимание. Бундес наслаждался обществом коллекционерки Нины, Татьяна знакомилась с Серегой, правда, по-моему, по возрасту она годилась ему в матери. Он вроде бы тоже это понял, но из природной вежливости не решался сказать женщине, что поторопился с приглашением познакомиться поближе.

Сидевший рядом со мной Сашка зевнул. Вообще-то неплохо было бы и поспать. День у нас был долгий, выпито уже немало, утром хочешь не хочешь – все равно поднимут…

Маньяк, которого звали Володей, предложил Лешке и Вовчику, не желавшим спать, отправиться к нему наверх, в первый класс, – чтобы не мешать Ланочке. Верка высказала пожелание составить мужчинам компанию. Наблюдая за выражением ее лица, я поняла: она уже просчитывает варианты. Раз Володя с приятелями летят первым классом, значит, у них имеются неплохие бабки. Вообще-то у всех, кто летит на сафари, есть бабки (за исключением Кости, конечно), хотела напомнить я ей, но сдержалась. Верка мне подмигнула и покинула салон вместе с тремя мужчинами.

Сибиряки также устроились на ночлег, прикрыв свои внушительные телеса пледами, Нина с бундесом, нежно воркуя, заняли места Афганца и Вовчика, Таня отправилась на свое. Костя с испанкой уже спали.

Предполагаю, что иностранцы, которым не повезло лететь с нами одним рейсом, вздохнули с облегчением.

Глава 2

28 декабря, вторник.

Африка, Замбара

Спала я крепко: видимо, сказывалась усталость. Когда нас разбудили, чтобы накормить, Сашка сообщил, что француз в летной форме всю ночь шастал мимо наших рядов и что-то высматривал.

– Ты что, не спал?

– Так, дремал, – отмахнулся ребенок. – Завтра посплю. В школу же не вставать.

– Француз, наверное, думал, что мы еще что-то можем учудить, – улыбнулась я.

А вообще, было интересно: будет нас ждать кто-то на земле или как? С другой стороны, мы приземляемся не во Франции, а в Замбаре… Да и что нам можно предъявить? Нарушение общественного порядка? Ну, пусть предъявляют.

Не стоило также опасаться, что Эр Франс закроет свои представительства в России: слишком большая выгода. И вообще, давно пора привыкнуть к русским, летящим на отдых или с отдыха. Вон пассажиры-иностранцы помалкивали. Наверное, никогда так весело не летали. Будет что рассказать родственникам.

Когда стали подавать завтрак, Лешка, Вовчик и Верка вернулись в наш салон. Бундес, расцеловавшись с Ниной, поплелся в свой первый класс, Нина – в конец салона. Верка опустилась в кресло за моей спиной. Я обратила внимание, что и она, и парни выглядят мрачнее тучи. Я повернулась к Верке, просунув нос между своим и Сашкиным креслами.

– Что, мало заработала? – спросила я.

– Две штуки точно, но вроде больше, – прошептала она. – Но не в деньгах дело.

Я лишилась дара речи. Чтоб у Верки – и не в деньгах… Это что-то новенькое!

– А в чем? – сунул нос в тот же проем Сашка. – Как вас понимать, тетя Вера?

– Я пока не считала.

– Как это? Сперли, что ли, то, что плохо лежало?

– Не совсем, – ответила Верка и зашипела: – На земле все расскажу. Только барахло свое быстро собирайте! Чтобы выйти первыми. Вы переодеваться хотели в салоне? Сейчас пожрете – и начинайте, чтобы потом время не тратить. И Косте скажи.

Мы все посмотрели в сторону моего братца. Он продолжал оживленно болтать с баронессой. Или она маркиза? Я была так заинтригована Веркиным рассказом, что даже запамятовала.

По нашему проходу опять шел знакомый француз, успевший надоесть Сашке за ночь. Он что тут, нечто типа службы безопасности? Мой ребенок меня опередил и вежливо поинтересовался, почему господин не спал ночью.

– Я не имею права спать, – вежливо ответил месье на английском. – Я обязан раз в сорок минут проходить по салонам.

– Следить за порядком?

– Не совсем, – улыбнулся он, кидая опасливый взгляд на сибиряков, в этот момент лечивших головную боль пивом. – Я должен слушать, например, не появилось ли каких-то посторонних шумов, не дай господь – течи или других неполадок.

– А вы кто? – спросила уже я.

– Бортинженер. Я выполнял свои обязанности, – гордо объявил он.

– Спасибо, – поблагодарила я француза за информацию и подумала: если бы наши бортинженеры так относились к своим обязанностям, возможно, у нас падало бы меньше самолетов.

Афганец со своими корешами и наша семья с Веркой переоделись в прихваченные в салон шорты и майки и были готовы к выходу из самолета задолго до приземления. Но меня не оставляла навязчивая мысль: что произошло ночью в первом классе?

Стоило самолету приземлиться, как к нам с Сашкой повернулся Афганец и тихо сказал:

– Быстро берите манатки – и к выходу. И занимайте всем нашим очередь на паспортный контроль.

– Костя, – прошипела я, перегибаясь через Сашку, – хватай маркизу в охапку. Или лучше прямо сейчас договаривайся о встрече в Хабебе. Ты выяснил, куда она двигает дальше?

Оказалось, что первую ночь мы все ночуем в одном отеле – пятизвездочном «Мелиа Хабебе». Оттуда мы должны двигаться в охотничий лагерь, где проведем следующие три ночи, потом три дня будем ездить по национальным паркам и, наконец, отдохнем недельку на берегу океана.

Сама я никогда бы не поехала в охотничий лагерь. Ну, по национальным паркам покататься, на зверей африканских в живой природе посмотреть – еще куда ни шло, фотографии и видеозапись останутся, но охота меня никогда не привлекала. Однако мужики жаждали пострелять и в Африке. Поэтому я сделала комбинированный тур. Чаще всего, правда, делается неделя по национальным паркам и неделя на берегу океана. Или уж чисто охотничий тур, но охота всегда значительно дороже.

Я сразу же сказала Афганцу, что лучше и не пытаться везти свое охотничье оружие. И у нас мороки много, и у них. Немцы, правда, свое везут, но их Германия – это не Россия, у них с оформлением проще. В охотничьих лагерях можно взять оружие напрокат – в зависимости от того, на кого будешь

охотиться. Также следует купить лицензию на отстрел того или иного зверя. Афганец сказал, что по прибытии в лагерь они с пацанами уже на месте решат, что будут делать.

Организуя тур, я специально выбрала лагерь, стоящий на берегу небольшого озера – чтобы мы с Веркой смогли позагорать и покупаться, пока мужики займутся одним из своих самых любимых занятий. Или это все-таки будет охота по-русски? С национальными особенностями?

Маршрут следования испанки частично совпадал с нашим, и она уже думала кое-что изменить в своем. «Костя неплохо поработал», – подумала я. Может, у нас с Сашкой скоро появятся родственники в Испании? Но тогда кто будет заниматься домашним хозяйством?

Паспортный контроль прошли быстро (виза для въезда в Замбару не требовалась), никакой санконтроль нас не ждал и прививочные сертификаты не спрашивал. Однако Нина с Таней и сибиряки, летевшие через Москву, сообщили нам, что там санконтроль был (уже после таможни и регистрации билетов, когда всем были выделены места) и проходил чисто по-русски. Нет сертификата о прививке от желтой лихорадки – даешь сто баксов санинспектору. Все – в самолете.

Таможню мы тоже прошли быстро, так как ни у кого из наших с собой не было охотничьего оружия (про другое молчу, но африканцев интересовало вполне определенное, которое везут охотники), потом я узрела табличку встречающей туристической фирмы.

Рядом с ней стояла русская баба лет сорока пяти, загорелая до черноты, и мулат лет двадцати пяти. Я представилась как директор питерской фирмы.

– А я – Оля, с которой вы переписывались по электронной почте, – сказала женщина. – Добро пожаловать в Замбару.

– А вы тут постоянно живете? – спросила Таня.

– Уже двадцать шесть лет. Вон сыну двадцать пять.

Мулат улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы. Нина с Таней осмотрели мулата так, словно покупали коня на базаре. Вроде бы остались довольны.

– Автобус ждет или тут такой же бардак, как в России? – встрял Афганец.

– Ждет, – сказала Оля. – Лана, ваши все вышли? По-моему, русские еще не все. – Оля быстро пересчитала наших, стоявших кучно. Тут были Афганец с компанией, наша семья (Костя распрощался с испанкой до вечера), Верка, Нина с Таней, шестеро сибиряков и Володя с приятелем.

– Те, кто через мою турфирму оформляли тур, все здесь.

– Джон, проводи Лану к автобусу, а я других подожду, – попросила Оля сына.

– Больше никого не будет, – твердо сказал Володя.

– Не хватает одного человека. – Оля сверилась со списком.

Я тут же вспомнила, что в нашем салоне летел кто-то еще из русскоговорящих, подававший реплики с заднего ряда. Но не успела ничего сказать: Володя подхватил Ольгу под руку, отвел в сторонку и что-то тихо ей объяснил. Она кивнула, и мы тронулись к автобусу.

Чернокожий шофер на пару с Джоном быстро закидали наши сумки в нижнее багажное отделение, расположенное под салоном автобуса, а мы загрузились в салон, где работали кондиционеры. Без них в автобусе нас всех хватил бы тепловой удар.

Я специально села впереди, рядом с Ольгой, чтобы обсудить детали нашего предстоящего отдыха. Конечно, это будет не последний наш разговор: ведь я собиралась и дальше гонять группы по этому маршруту. Наши сразу же начали отмечать успешное приземление – в исконно русских традициях.

– Лана, что случилось? – очень тихо спросила меня Ольга.

Я пожала плечами. Я сама пока ничего не понимала. Правда, особо не волновалась: мои туристы все были на месте.

– С русскими всегда какие-нибудь проблемы – или заморочки, как вы говорите, – вздохнула Ольга.

Она представляла крупнейшую в Замбаре турфирму «Замба-турс», фактически контролирующую туристический рынок страны. В ней работали люди, знающие английский, немецкий, французский, испанский. Теперь появился спрос и на русский. Таким образом Ольга и ее сыновья оказались в туризме. Ольга по профессии – маляр-штукатур. Родилась она в Перми, потом отправилась покорять Москву, в институт не поступила, закончила ПТУ. Ее общежитие находилось рядом с общежитием иностранных студентов. Так она и познакомилась с отцом Джона. Немало ее подружек связали свою судьбу с чернокожими парнями. Оля думала недолго: шансов выйти замуж за москвича практически не было – они женились на своих, на москвичках, возвращаться в Пермь не хотелось, в особенности после Москвы, где можно было свободно покупать вожделенную колбасу и прочие радости советского народа, которые в те годы в Перми в свободной торговле не появлялись.

Джон-старший обещал любимой девушке бананы в неограниченном количестве (а в годы банановых лишений советского народа это было серьезным аргументом) и вечное лето (а Оля практически каждую зиму подолгу болела, насморк же ее преследовал с октября по май). Ольга согласилась и поехала. Все пермские родственники, правда, были в шоке и контактов с блудной дочерью поддерживать в дальнейшем не пожелали. На Олины письма никто не отвечал.

Джон оказался третьим сыном крупного местного землевладельца. На богатое наследство рассчитывать не приходилось, но Олины запросы были достаточно ограниченными: не привыкла она шиковать в России шестидесятых и семидесятых. Было тепло (даже жарко), и Оля вначале дико сгорала, но потом кожа и весь организм приспособились к местному климату. Одежды требовалось немного, земля была плодородной. Муж, получивший диплом врача в Советском Союзе, помогавшем своим чернокожим друзьям, хорошо устроился на родине и быстро стал уважаемым человеком. Оля родила ему троих детей, какое-то время занималась только домашним хозяйством. Сейчас дети выросли, ей стало скучно, вот она и отправилась в туризм.

– Иногда, правда, хочется все бросить, – призналась она. – Когда русские что-нибудь отчебучат. Но у меня трое сыновей. Вот старшего, Джона, женили, а другим еще предстоит платить выкуп за невест…

Как пояснила Ольга, ее муж привез в свое время жену из России в первую очередь потому, что отец не стал бы тратиться на большой выкуп за невесту. Взяли бы, так сказать, самую дешевую. Или ходил бы в холостяках, пока сам не заработает на выкуп. Сейчас русские дают хорошие чаевые, это должно помочь. Если же ей удастся женить сыновей на русских – вообще будет здорово.

От Ольги я узнала интересную вещь: в последние годы переменчивая мода выкинула в Замбаре очередной фортель – по новым канонам красоты женщина должна быть светлокожей. Когда Ольга приехала в страну, ничего подобного не было. Джона, наоборот, осуждали за то, что он женился на белой. Но теперь, если бы у Ольги была дочь хотя бы такого цвета кожи, как Джон, они смогли бы получить за нее большой выкуп. Его хватило бы на выкуп за невест двум сыновьям – при условии, что те будут чернокожими. Но сыновья тоже хотят жениться на белокожих…

– Интересно тут у вас, – заметила я.

– У вас интереснее, – улыбнулась Ольга. – Мы ведь тоже телевизор смотрим.

– Наши каналы какие-нибудь ловите?

– Ловим, и с каждым годом все больше. Так что мы в курсе происходящего. Кстати, Лана, предупредите мужчин, чтобы они обязательно пользовались презервативами, хотя местные жрицы любви будут настаивать на обратном.

– Что?! По-моему, жрицы любви во всех странах как раз настаивают на предохранении.

– Наши тоже – с черными мужчинами. А от белых они хотят родить. Но у нас тут СПИД… Да что я вам объясняю? Много умирает людей, много больных. Однако желание иметь светлокожих детей у наших женщин перевешивает. Вы сами убедитесь: белокожим мужчинам готовы отдаться не только профессиональные жрицы любви. И сами мужья готовы предложить своих жен белым мужчинам. Я говорю вам об этом, потому что дорожу своей работой. Если туристы из России будут болеть после поездки к нам, поток приезжающих прекратится…

Я, признаться, в этом сомневалась.

– …и мы с моими мальчиками лишимся работы и хороших денег.

– А все ваши сыновья работают в турфирме?

– Да. Не зря я учила их русскому языку. Очень пригодилось.

Я заметила, что Джон говорит совсем без акцента. Ольга пояснила, что это типично для негров – строение речевого аппарата у нас похожее (подтверждалась информация Витька, спеца по маньякам), а в языке их отца нет так называемых напряженных звуков.

Обо всем этом Ольга узнала от англичанина, работающего в их турфирме. Он в свое время женился на чернокожей девушке и остался в стране, куда приехал работать по контракту.

– Шпион, что ли, бывший?

– Он не признается, – улыбнулась Ольга.

В это время мы подъехали к нашему отелю. Чернокожие юноши бросились к нашим сумкам и чемоданам, надеясь заработать по доллару. Правда, пьяные русские, «тепленькие» после самолета, случалось, давали и по сотне. Поэтому русских клиентов любили и старались угодить им. Если одновременно подъезжали автобусы с нашими туристами и, например, немцами, все носильщики наперегонки неслись к нашим. Приятно!

За стойкой портье стояли красивые мулатки. Признаться, я никогда раньше не видела красивых женщин негроидной расы и не считала супермодель Наоми Кэмпбелл красавицей. Но тут девочки оказались просто супер. Интересно, какая кровь в них смешалась?

Правда, несмотря на пятизвездность отеля и репутацию сети «Мелия» в мире, работали они не очень быстро. Джон, самый расторопный из местных, им активно помогал. Носильщики стояли в боевой готовности, сверкая белозубыми улыбками. Сибиряки, как я слышала, уже обсуждали, когда звать девчат к себе. Услышав их, Ольга повторила им то, что говорила мне, только с большим количеством впечатляющих примеров. В частности, описала все симптомы

СПИДа. Потом добавила, что работающие за стойкой портье девочки – не для постели, для этого имеются другие. И эти девочки по желанию клиента пригласят тех.

– А если мы хотим этих? – спросил Витек.

– Я повторяю: эти девочки…

– Ладно, тетка, – по-свойски хлопнул Ольгу по плечу Серега, – мы сами разберемся.

Ольга повернулась ко мне. Я пожала плечами. В этих «мероприятиях» я участвовать не собиралась. Не мое дело – вмешиваться в личную жизнь клиентов. Об опасностях предупредить их я обязана. Их предупредили. Все, моя функция выполнена.

Ольга попыталась предупредить наших еще о каких-то опасностях, подстерегающих белых в Замбаре, но ее больше не желали слушать. Она махнула рукой.

Мы договорились с Ольгой, что она заедет за нами завтра с утра, чтобы мы смогли переместиться к охотничьему лагерю.

– А экскурсии по городу какие-нибудь предусмотрены? – подала голос Нина.

– Желаете в местных ресторанах поспрашивать пакеты для… гм… неусвоенного обеда? – уточнил Афганец.

– Нет, – серьезно ответила Нина, – я собираю только пакеты авиакомпаний. Но надо же культурно просвещаться? Зачем люди ездят в Африку?

– Ну, кто за чем, – резонно заметил Володя, взглянул на Ольгу и попросил пояснить, зачем сюда прибывают русские туристы.

В основном народ интересуют национальные парки, реже – охота, потому что это очень дорогое удовольствие. Трехдневное проживание в охотничьем лагере обходится во столько же, во сколько десять ночей в пятизвездочном отеле на

побережье. И это без лицензий на отстрел животных.

– Как здесь обстоит дело со взятками? – спросил Лешка.

– Как и в России. И даже лучше, – улыбнулась Ольга. – Без взятки нельзя получить ничего. Со взяткой – все, что угодно. И все выпрашивают деньги везде, где только можно.

– А вы говорили, что эти африканки не для койки. – Серега кивнул на стойку портье. – Договоримся.

Витек уже шагнул к трем девочкам и приступил к обсуждению цен на «услуги». Несмотря на то что он говорил по-русски, а девочки из нашего языка выучили пока всего несколько фраз, они его прекрасно поняли. Я не стала дожидаться окончания торга и велела своему семейству, включая Верку, двигать наверх. У нас с нею был забронирован двухместный номер, такой же – у Кости с Сашкой.

– Я хочу узнать, почем здесь бабы, – объявила Верка на весь холл.

– Вера, вы разве… – открыл рот Володя, странно посмотрев на подружку.

– Я не «разве». Просто цена интересует.

– Ну, если бы вы вдруг согласились с чернокожим мужчиной, – заговорила Ольга, хотя ее и не спрашивали, – то получили бы раза в три больше девочек-администраторов.

– Так, накинем за квалификацию, за вредность… – подсчитывала Верка вслух. – Буду брать в десять раз больше. Витя, за сколько они дают?

– По пятьдесят баксов, – повернулся сибиряк. – Мы торгуемся за сотню оптом.

– Я беру не меньше тысячи за раз, – объявила Верка и, провожаемая ошалелыми взглядами Ольги, Джона, Нины и Тани, тронулась к лифту. Мужчины из группы уже знали Веркины обычные расценки и отреагировали нормально.

Мы дали мальчикам по доллару, они поклонились и удалились, сверкая белозубыми улыбками.

– Ну?! – спросила я у Верки. – Что же было в самолете?

– Володькиного приятеля зарезали, – спокойно объявила Верка, раздеваясь. От ее утренней сумрачности не осталось и следа.

Я молча опустилась в кресло, подружка тем временем уже полностью скинула одежду и объявила, что в душ пойдет первой.

– Нет, ты мне вначале объясни, что там произошло. Как его зарезали? Где? Где он сейчас?

– Зарезали в туалете, – сказала Верка. – Ну, то есть не зарезали… Лана, я не знаю, как это правильно называется: из него торчала такая тонкая острая дрянь… Спица не спица…

Когда компания, состоявшая из Володи, Верки, Афганца и верного телохранителя Вовчика поднялась в первый класс, Володин приятель Коля, которого я впервые увидела сегодня, сказал, что Романа что-то больно долго нет. Приятель думал, что Роман был с Володей в экономическом классе. Володя забеспокоился, попросил Колю вспомнить, давно ли Роман ушел. Коля считал, что тот пошел в туалет.

Володя сграбастал Верку, сказал, что она для него будет прикрытием, и потащил в нужном направлении. Прикрытие, правда, не требовалось, так как все в салоне уже спали. Один туалет был занят. Володя с Веркой постояли напротив двери минут десять, обнимаясь, как пара влюбленных, но о связи с женщиной Володя, по мнению Верки, в те минуты не думал совсем. Он вполне мог бы так же обниматься с мужчиной или с каменной статуей. Володя напряженно прислушивался, даже прикладывал ухо к закрытой двери.

Затем он велел Верке не отходить в сторону и прикрывать его, извлек из кармана нож, выдававшийся во время ужина в самолете, и дверь открыл.

«Интересно, зачем он его прихватил? Или без какого-либо ножа мужик чувствует себя голым?» – подумала я.

– Знаешь, мы бы с тобой так быстро не справились, – вынуждена была признать Верка. А у нас с ней имелся немалый опыт открывания дверей, в которые нас не хотели пускать.

– Ты выяснила, откуда взялся этот Володя и с чем его едят?

– Нет! Когда бы я успела? Не до того было.

– Ладно, продолжай. Что дальше?

Володя распахнул дверь – и тихо выматерился. Хотел оттолкнуть Верку, но разве Верку оттолкнешь, если она желает что-то увидеть?

Она увидела все, что хотела. Володя тоже. Он уже хотел закрыть дверь, когда Верка сообразила: мертвому бумажник больше не нужен. Верка всегда очень хорошо соображает, когда речь идет о деньгах. Но Володе она, конечно, подала мысль под соответствующим соусом: не надо оставлять документов парня. Володя идеей мгновенно проникся, сам вытащил из кармана убитого бумажник и паспорт и вручил их Верке, сказав: «Пусть пока у тебя побудут».

– И ты взяла?!

– А как же?!

Паспорт Верка, правда, уже спустила в унитаз (в нашем салоне), бумажник, находившиеся там водительские права и кредитки – в еще один (тоже в нашем салоне), а бабки сложила и сунула в лифчик. Когда переодевалась утром, перепрятала в сумку.

Тут она как раз извлекла их из сумки и пересчитала.

– Негусто, – расстроилась подружка. – Всего пять тысяч баксов. И рубли – какая-то мелочь. Что это он так мало с собой взял?

– А ты больше взяла?

– Ну, я всегда на месте заработать могу.

– Судя по тому, что рассказала Ольга, тут и белые мужики могут неплохо подзаработать.

– Ты думаешь, мужик об этом знал? Он тут работать собирался? Кстати, Костика надо правильно сориентировать. Будем вместе ему подыскивать негритяночек.

– Еще не хватало! Подцепить СПИД от какой-нибудь черной заразы! И потом, между прочим, он может и тебя заразить. Пусть не разменивается. Нам и баронессы хватит. Мы люди не гордые.

– Она – маркиза.

– Неважно.

– Как это неважно? У тебя племянники будут маркизы.

– Вера, ты ее видела. Ей лет-то сколько? Выглядит на пятьдесят. Значит, ей вполне может быть шестьдесят или шестьдесят пять.

– Теперь капиталисты в любом возрасте рожают, – отмахнулась Верка. – Но о Косте мы потом поговорим.

И подружка вернулась к рассказу о ночных событиях.

Володя, отдав Верке бумажник и паспорт приятеля, быстро закрыл дверь туалета, причем как-то еще хитро завернул замок, после чего быстро и тщательно протер дверную ручку носовым платком, подхватил Верку под ручку и потащил к месту дислокации группы. Афганец, гад, поняв, в чем дело, лично проводил Верку на место бундеса, ночевавшего в нашем салоне на пышной Нининой груди. Мужики же стали о чем-то совещаться. Верка все-таки заснула, а утром Афганец с Вовчиком привели ее обратно в наш салон.

– То есть до приземления, как я понимаю, мужика не нашли?

Верка пожала плечами.

Мог быть еще один вариант: экипаж решил не поднимать панику. Хотя вряд ли. Если бы они нашли труп на борту, то нас на земле ждала бы торжественная встреча, и совсем неважно, в какой стране мы приземлились.

Их должно было бы заинтересовать то, что туалет занят…

На мой последний аргумент Верка заметила, что Володя сделал все так, чтобы стюардессы решили: замок сломался. Тем более что за дверью не раздавалось никаких звуков. Это нам с ней сразу же пришло бы в голову, что там может быть труп, а французам? Навряд ли.

Володя с приятелем взяли вещи убитого, чтобы не оставлять никаких улик. Попробуй теперь опознай труп! Его пальчики ни в картотеке Интерпола, ни даже у отечественных ментов не числятся.

– Слушай, а как Володя вообще отреагировал на эту смерть? В смысле… он предполагал, что такое может произойти?

– По-моему, да, – кивнула Верка. – Я и вчера об этом думала, пока не заснула, и сегодня. И с уверенностью могу сказать: следы он умеет заметать не хуже, чем мы с тобой.

Глава 3

28 декабря, вторник

– Ладно, давай переодеваться и сходим к бассейну, – сказала я Верке.

Подружка отправилась в душ, я в задумчивости вынула из сумки купальник и пляжные шлепанцы. Интересное кино получается… Кто же такие Володя и его друзья? Вернее, теперь уже только один друг.

Я направилась к ванной и открыла дверь. Спросила у Верки, не догадалась ли она поинтересоваться у Володи сферой приложения его талантов.

– Они там что-то с Афганцем говорили про спецслужбы. – Верка фыркала от удовольствия, подставляя под сильную струю то один бок, то другой.

– С каких это пор у нас представители спецслужб стали летать первым классом? – посмотрела я на подружку, как на полную идиотку.

Верка открыла глаза и уставилась на меня, правда, из душа не вылезла.

– Верно. Не может это быть спецслужба. У них денег нет.

– Кстати, откуда они?

– Из Сургута.

«Ну, тогда это может быть спецслужба какого-нибудь богатого предприятия или лично предпринимателя», – решила я. Только какого рожна их тогда сюда понесло?

«Положим, в Замбару они поехали, как и мы, зверей посмотреть, Новый год в Африке справить плюс баб чернокожих потрахать, – продолжала размышлять я. – Оттянуться решили по полной программе. Но кто-то отправился вслед за ними… Если это вообще не сам Володя прикончил приятеля – или кто он там ему был, а перед Веркой и Афганцем ломал комедию. С какими милыми людьми нам предстоит отдыхать!»

– Верка, когда прибудем в охотничий лагерь, нам нужно держаться поближе к оружию, – сказала я.

– Так надо сразу взять себе по стволу, – ответила подружка, вылезая из-под душа и уступая мне место.

– Не получится.

Как директор турфирмы, я заранее выяснила ситуацию с выдачей охотничьего оружия в лагерях. Конечно, если человек приезжает со своим, оно может постоянно лежать у него в палатке. Однако местные инструкторы предпочитают, чтобы все оружие находилось в специальной палатке, под замком. В особенности оружие русских граждан – уже были прецеденты, когда нашим после распития большого количества спиртных напитков вдруг хотелось пострелять.

У прибывших из Питера охотничьего оружия с собой нет – как я уже говорила, я не стала заниматься его оформлением. С другой стороны, оно вполне может оказаться у господ из Сургута, веселых сибиряков и даже теток-коллекционерок. Хотя Нина с Таней, по-моему, приехали, чтобы расслабиться с молодыми папуасами. Мне уже неоднократно доводилось отправлять через свою турфирму подобных тетенек, вдруг разбогатевших после сорока лет и решивших наверстать упущенное в молодые годы.

Тем, кто прибывает без оружия, его перед началом охоты выдают инструкторы – в зависимости от того, на кого идет охота, или в лагере есть специальный человек, дежурящий в нужной палатке. Тогда выдает он. Лагерное оружие в своих палатках хранить категорически воспрещается. Его отбирают сразу же по возвращении с охоты.

А потом у меня мелькнула мысль… Я вылезла из душа, обтерлась огромным полотенцем и направилась к телефону звонить Ольге на мобильный, который, как она говорила, у нее всегда включен.

Я попросила Ольгу взять в представительстве Эр Франс список всех пассажиров нашего самолета – или только русских, в смысле наших соотечественников; грузины, армяне, чеченцы, если такие были в салоне, меня тоже интересовали.

– Когда он вам нужен? – по-деловому спросила Ольга.

– Завтра с утра будет нормально. Когда вы за нами приедете.

Ольга обещала все сделать. Я поблагодарила ее и отключила связь.

– И что мы будем с этого иметь? – спросила Верка.

– Хотя бы выясним, сколько точно было русских. Ведь в бизнес-класс мы не заходили вообще. Да и сидевшие в эконом-классе могли не участвовать в наших развлечениях и с комментариями не выступали.

– Они могли дать ложные фамилии.

– Если паспорт не на настоящую фамилию, то – да. Там же все оформляется по паспорту. В любом случае, пусть лучше этот список у нас будет.

– Ланка, а сами мы можем сейчас в аэропорт прошвырнуться?

– Зачем?! За списком?

– Нет, но интересно же, что там с трупешником сделали.

Верка посмотрела на меня с ностальгической грустью. По трупам, что ли, соскучилась? Хотя мне тоже было любопытно. Но я считала, что труп уже нашли и из аэропорта увезли. В такую жару он ведь быстро испортится. Не обратно же во Францию его повезут?

Я посмотрела на подружку. Сегодня вечером нам с ней делать в принципе нечего. До захода солнца мы поболтаемся у бассейна, потом надо будет куда-то сходить перекусить, а затем можем и в аэропорт смотаться.

– Так пошли к бассейну, а вечером съездим, – приняла решение я.

Верка мгновенно оживилась, сказала, что мы обязательно должны прихватить с собой Сашку, как верного помощника, очень ловко изображающего идиота в нужных ситуациях. Костю же, наверное, следует оставить в гостинице – он на самом деле может повести себя по-идиотски, а это нам не нужно. Сколько раз уже приходилось вытягивать его из всяких историй, куда он вляпывался, как только мы оставляли его без присмотра.

Мы облачились в шорты и майки поверх купальников, взяли кепки и книжки для отвода глаз, после чего постучались в соседний номер – к брату и сыну.

– Сколько можно копаться, Лана? – встретил меня обычный воспитательный тон братца. – Мы с Сашей уже давно собрались, а вы с Верой, как всегда…

– Ну так и зашли бы за нами, – перебила я Костю, подмигивая сыну, многозначительно закатившему глаза.

Верка же прямо направилась к Косте, подхватила его под руку и спросила, почему же котик не пришел потереть ей спинку, когда она мылась, после чего заявила нам с сыном, чтобы мы двигали вниз, они с Костей нас догонят. Мы с Сашкой быстро переглянулись и пошли. Я по пути рассказала сыну программу на ближайшей вечер.

– Мам, а разве дядя Володя своего приятеля в другом месте убить не мог?

– Ты об этом у него сам спросишь. Нет, лучше не спрашивай. Не так поймет. Если б дядя Леша был…

Мы с Сашкой опять переглянулись и расхохотались.

– Но, мам, я не про это. Он же, наверное, не полный идиот! Зачем убивать своего приятеля в самолете, где подозрение, скорее всего, упадет на него? Если они вместе летят из этого своего Сургута. Там, что ли, негде было его прикончить? Думаю, это кто-то другой. И вообще, нам надо бы вначале поближе познакомиться и с дядей Володей, и с дядей Колей. Ведь интересно, правда? – Ребенок хитро посмотрел на меня.

– Познакомимся, – сказала я. – Только не сегодня.

Бассейн был огромным и по форме напоминал изогнувшуюся гигантскую рыбину. Кафельный узор на дне изображал играющих дельфинов. Половина бассейна была глубокой, на другой половине можно было встать на дно. У «носа» рыбины имелся небольшой детский бассейн, а конец «хвоста» был отделен перегородкой и превращен в джакузи, в которой одновременно могли поместиться человек десять – если сесть кругом, спиной к стенкам.

Мы взяли пляжные полотенца у стойки, бросили их на лежаки, покрытые синими прочными непромокающими матрасами, скинули одежду и прыгнули в бассейн.

Нигде в России купание никогда не доставляло мне такого удовольствия, как в жарких странах. Конечно, приятнее поплавать в океане, в соленой воде, но это нам еще предстоит.

Из наших у бассейна пока никого не было. Под невысокой пальмой разместились немцы, лениво потягивающие пивко. С другой стороны лежали две дамы, чью национальность я определить не смогла: они молчали. Но точно не наши. Наши лица нельзя спутать ни с чьими.

Костя с Веркой появились довольно быстро. Верка с трудом сдерживала смех, братец же был доволен и счастлив. А если учесть, что на вечер у него еще баронесса запланирована… То есть маркиза.

Я вылезла из воды и подставила тело африканским лучам, Сашку, как и обычно, из бассейна было не вытянуть. Я уже давно отказалась от таких попыток. Верка отправилась возлежать в джакузи, Костя же вылез довольно быстро, намазался кремом и устроился через два лежака от меня. Хоть не воспитывает, порадовалась я. А то он обычно начинает читать мне лекцию: надо пользоваться защитным кремом от загара. Я же категорически возражаю против их использования: все должно быть естественно. У меня достаточно смуглая кожа, причем задубевшая на разных курортах. Костя же загорает редко и всегда сгорает – несмотря на то что мажется по науке.

– Где все остальные наши? – спросил Костя через некоторое время.

– Понятия не имею, – ответила я и тут же услышала визгливый женский голос коллекционерки Нины – они с Таней только что вышли из стеклянных дверей.

– Вася! – орала коллекционерка в трубку. – Я же слышу, что ты уже нажрался! Вася, ты помнишь, что ты мне обещал? А ну-ка, дай мне Катю. Катя? Я тебе что велела? Следить за отцом! Как ты за ним следишь? Так, что вы ели сегодня? Борщ доедали? Сколько ж дней вы его едите? Почему так плохо едите?! Катя, завтра обязательно свари суп. И индейку разморозь и потуши. В глубокой сковородке. Где индейка? В том холодильнике, что в коридоре. Так, давай мне снова отца. Вася, поклянись мне, что больше до моего приезда ты в рот ни капли не возьмешь. Клянешься? Ну хорошо, смотри у меня! Да, завтра позвоню.

Тетки кивнули мне и заняли два лежака слева. Они были в ситцевых халатиках в мелкий цветочек, в карман своего Нина и опустила трубку. Тетки разделись, попросили меня посмотреть за вещами (что тут у них воровать-то?) и отправились поплавать.

Костя принял сидячее положение и следил за плескавшимися в воде великовозрастными русалками. Верка вылезла из джакузи и легла рядом со мной. Наконец вылезли и тетки и тронулись к нашим лежакам – и вдруг заметили понуро сидевшего Костю.

– Ой, Таня, смотри, и этот иностранец тут. – Нина ткнула подругу локтем. – Только без бабы своей страшной. Как он на Васю моего похож! Ты только посмотри на него. Такой же убогий. И так же мучается после вчерашнего. Ты посмотри, как ему выпить хочется! А баба, наверное, все деньги к рукам прибрала и даже на пиво бедняге не дает. Мне всегда так иностранных мужиков жалко! То-то они все на наших девчонках женятся. Может, познакомимся?

– Лучше с кем-то из молодых, – сказала Таня. – Джоник-то – ничего парнишка. Приедет он завтра за нами? Или та старая мымра будет? Да и на охоте должно быть много мальчиков. Помнишь, что нам в турфирме обещали?

Я молчала, с интересом слушая разговор теток, не обращавших на меня никакого внимания. Костя ни взглядом, ни жестом себя не выдавал. Затем стеклянные двери шумно распахнулись, и к бассейну вылетело стадо под предводительством вожака – Алексея Петровича Карташова собственной персоной.

– О, девчонки, вы уже здесь! – крикнул Лешка нам с Веркой. – Пошли искупаемся.

Молодцы дружно прыгнули в воду. После того как в бассейне оказался «двустворчатый шкаф» Вовчик, я подумала, что вода выйдет из берегов и затопит Хабебе. Но оказалось, что в бассейне имеется автоматический регулятор уровня воды, и она ушла куда-то в подземные резервуары.

Пока мы купались, Нина с Таней все-таки приблизились к Косте. Мы с Веркой переглянулись и подплыли поближе к бортику, чтобы слышать каждое слово. Костя умело играл глухонемого, опять приняв лежачее положение и закрыв глаза. К нам с Веркой подплыл Лешка и поинтересовался, что происходит.

– В смысле? – посмотрела на него я. – Ты, кстати, выяснил, кто такой Володя?

– А зачем тебе? – прищурился Афганец. – Меня тебе мало? Или решила разнообразить свой отдых?

– Что вы, дядя Леша, – проворковал подплывший сзади Сашка, слышавший наши последние реплики. – Вы же знаете, как мама обычно на труп реагирует? Она же не успокоится, пока не выяснит, почему дядю зарезали в туалете.

– Ты можешь хотя бы на каникулах отдыхать? – процедил Афганец. – Мало мне тебя в Питере! Вообще, ваша семейка успокоится когда-нибудь или как?

А к бассейну тем временем подошли упомянутые всуе Володя с приятелем. Легки на помине!

– Мужики, давайте сюда! – крикнул Лешка.

Володя с Николаем быстро оказались в воде рядом с нами.

– Скажите, пожалуйста, Светлане Алексеевне, кем вы работаете, а то ее неосведомленность по этому поводу нас очень мучает, – Афганец изобразил подленькую улыбочку.

– Лана, ты что, меня прямо спросить не могла? – удивился Володя. – У меня сейчас охранно-детективное агентство. Колька у меня работает.

Сашка встрял и спросил, почему же глава охранно-детективного агентства допустил убийство своего приятеля? Володя помрачнел, потом взглянул на Лешку.

– Ты все рассказал? – спросил он.

– Зачем же, если есть Вера Николаевна? Теперь эта компашка еще начнет собственное расследование. Поверь на слово: я с ними со всеми не первый день знаком. А мне потом придется вытаскивать Ланочку оттуда, куда она вляпается на этот раз. Поэтому я и нахожусь поблизости. Чтобы вовремя схватить ее за

волосы, если начнет тонуть.

Володя с Колей как-то странно на меня посмотрели, переглянулись. Я ждала. Мне было просто интересно, что они скажут. Но встрял Сашка. Мой сын в лоб спросил – знают ли дяди, кто убил их приятеля?

– Нет, – твердо ответил Володя.

– А кто заказал? – не унимался мой сынок.

– Есть несколько версий, – выдавил из себя Коля.

– И кто? – подала голос Верка.

– Вы все равно не знаете этих людей, – ответил Володя. – Это наши местные разборки. Вас они не касаются. И не коснутся.

«Хотелось бы в это верить», – подумала я, но смолчала.

Нашу дальнейшую беседу прервал радостный вопль:

– Коста!

К моему братцу устремилась испанка, переодевшаяся в закрытый купальник белого цвета (тоже мне – девственница!), поверх которого накинула легкий пляжный халатик с японскими мотивами.

Братец вскочил с лежака и, раскрыв объятия, устремился к баронессе (маркизе, графине, или кто она там). Он громко орал: «Мария! Кара миа!»

– С каких это пор твой братец залопотал по-испански? – прошипел Афганец.

– В нашей семье все талантливы и быстро обучаемы, – заметил сынок с видом невинного младенца.

– Он отрабатывает свой отдых, – мило сообщила я. – Ему надоело сидеть на моем иждивении.

– По-моему, это было сказано по-итальянски, – заметил Володя.

В это мгновение в воду плюхнулись Нина с Таней, наблюдавшие за встречей влюбленных, как и мы все. Дамы заметили и наш интерес к встрече этой парочки, только не знали его природы.

– Какие иностранцы все придурковатые, – покачала головой Нина, вставая на кафельный пол бассейна рядом со мной. – Ну разве наш мужик когда-нибудь так понесется? Зачем вопить-то на всю округу? Эх, мне бы этого придурка, я бы его быстро человеком сделала.

– Тысяча в день, – сказала я.

– Чего?! – Нина непонимающе уставилась на меня.

– Баксов, естественно, – невозмутимо пояснила я.

– Хотите этого мужика, – встряла Верка, кивая на лобызавшегося с испанкой Костю, – платите Лане по тысяче долларов в день – и он ваш. Мужик обучен и вообще легко обучаем. Ведет домашнее хозяйство, прекрасно готовит, стирает, пыль вытирает просто идеально, даже ничего не крушит в процессе уборки. В постели многое умеет. Я лично занималась его образованием в данном вопросе. Тут, сами понимаете, Ланочке было не с руки: чем-чем, а инцестом она никогда не грешила. А вообще, рекомендую. Не пожалеете. Товар качественный!

Верка повернулась ко мне и добавила:

– Мне – двадцать процентов со сделки. Как посреднице.

– Обойдетесь, тетя Вера, – встрял Сашка. – Мы дядю Костю и без вас сосватаем. Так как, дамы? Дядя Костя у женщин идет нарасхват. Для вас, как для соотечественниц, оторвем его от иностранки. По крайней мере на денек, чтобы вы, прибывшие в Замбару с нашей компанией, многое узнали про нашу семью, поэтому не удивлялись бы.

Большинство парней Афганца не стали ждать продолжения, они прыгали с трехметровой вышки, возвышавшейся у глубокой части бассейна. Представители же Сургута стояли по пояс в воде, раскрыв рты.

Нина с Таней сориентировались быстро, переглянулись и заявили, что возьмут Костю вдвоем на полдня – попробовать, когда мы все переберемся в охотничий лагерь.

– Пятьсот, – сказала мне Нина.

– С каждой, – ответила я.

– Э, так не пойдет!

– Тогда пусть развлекает маркизу. Может, еще и женится на ней. Вы мне в золовки не подходите. Она мне больше по душе.

– Ты мне, что ли, нужна? – рявкнула Нина. – Я бы всех своих расплодившихся родственников собственноручно придушила! Как я стала деньги зарабатывать – тут же объявились, гады! Даже те, о которых я раньше ни разу не слышала! То им денег дай, то на работу возьми… Тебя мне еще только не хватало! И обойдемся мы как-нибудь без твоего брата! Если бы он негром еще хоть был – тогда ладно, мы бы попробовали, а у меня точно такой же свой дома сидит, водку жрет без присмотра. Пойдем, Таня, поплаваем.

И коллекционерки нас покинули. Володя с Колей отправились к вышке, мы с Афганцем и Сашкой вылезли на бортик.

– Лешка, что произошло? – тихо спросила я.

– Ты сюда отдыхать приехала или как? – Афганец прикрыл глаза. – Ужинать куда пойдем?

– Мы собираемся поехать в город, – пропел Сашка ангельским голосочком.

Афганец открыл один глаз и внимательно посмотрел на моего сына.

– Поужинать, – тут же добавил ребенок. – Мама, тетя Вера и я. Дядя Костя, как вы видите, работает с испанкой. Билет отрабатывает.

– Леш, – нежно сказала я, подлизываясь к Афганцу, – ты же знаешь, что я не успокоюсь, пока не выясню, в чем дело. И вон ребенку интересно. Он тоже не успокоится.

Афганец крякнул и заявил, что сам не смог выяснить всех деталей, но понял одно: это не первый человек, который погиб в этих краях.

– В смысле, в Замбаре?

– Да. В самолете, конечно, первый. Они на самом деле прилетели сюда не отдыхать, а работать. Их агентство наняли расследовать, что тут происходит с нашими людьми.

Афганец уже успел выяснить у Володи, что в Замбаре проживает около сотни наших соотечественников, причем основная масса перебралась сюда лишь в последние годы. Ольга – скорее исключение из общего правила. Таких, как она, – единицы. По крайней мере, Володя знает только про нее одну. Может, еще найдется парочка, но о них лучше спросить у самой Ольги.

В эту сотню живущих в Замбаре входят наши моряки, врачи, работающие тут по контракту, проститутки, узнавшие о выгодном месте для приложения своих талантов (проститутки, правда, все с Украины), а также танцовщицы (тоже с Украины, но их тут именуют русскими). В Хабебе имеется «белое шоу», где танцуют только наши девушки. Шоу пользуется большой популярностью у местных мужчин, готовых выкладывать немалые деньги (по замбарийским меркам) за представление. Девочки танцуют в купальниках.

Но у русских в этих местах есть серьезные конкуренты – югославы. Вернее, наоборот. Югославская колония насчитывает около тысячи человек, и появилась она здесь гораздо раньше, когда у них в стране начались проблемы. Они недовольны вторжением русских. Там тоже есть моряки, врачи и девочки, а русские, постоянно увеличивающиеся численно, вытесняют или могут вытеснить их с занятых ранее мест. Следует отметить, что в Замбаре и сербы, и хорваты, и представители всех остальных национальностей, проживающих на территории бывшей Югославии, именовали себя исключительно югославами и сожалели о

том, что их общей страны больше не существует.

– То есть Володя склоняется к версии, что это – дело рук выходцев из бывшей Югославии?

Афганец кивнул. Осевшие в этих местах русские не представляют конкуренции для аборигенов. Туристы – тем более. Они, наоборот, дают аборигенам средства к существованию. Многие местные жители работают на приезжающих из всех стран (в частности из России) туристов – выступают инструкторами, водителями, гидами, обслугой. Мы приносим им прибыль, а не убытки. Зачем же убивать туристов? Тогда ведь как раз могут сократиться доходы местных.

Часть аборигенов работает на приисках и в урановых рудниках. Белых туда палкой не загонишь, хотя, возможно, наши безработные шахтеры и согласились бы тут подхалтурить, если бы кто-то оплатил дорогу. Конкуренция если и есть, то только среди девочек, но ни одну русскую проститутку не убили. Девочки смогли относительно цивилизованно поделить рынок.

Но убили нескольких мужчин, приезжавших на сафари. Один из убитых был братом Володиного нанимателя.

– Наниматель настолько богат, что оплатил им троим перелет первым классом? – уточнила я.

– Погибший не работает, то есть не работал в Володином агентстве. Он – из той же фирмы, что и предыдущий убитый. Он ехал отдыхать. Теперь Володе отвечать перед начальством и за его смерть. Детективов двое – Володя и Николай.

Ни Володя, ни его наниматель не представляют, с чем связана смерть брата хозяина. До него здесь же погибли еще двое каким-то образом связанные с его фирмой людей. Теперь – четвертая смерть. Почему – непонятно. Кому конкретно они здесь перешли дорогу – тоже. Ехать же из России вслед за ними, чтобы убить их тут, было глупо. Это и на родине можно сделать. Есть масса способов и куча специалистов. И спрятать труп в России гораздо проще, даже если просто сравнить местные просторы и наши. У нас вон лесов сколько и сугробы зимой, а тут по большей части – саванна и лето круглый год.

– Фирма сюда что-то поставляет? – спросила я.

– Нет. Никогда не имела никаких связей ни с Замбарой, ни с соседними странами. У них наш рынок, и теперь еще – Западная Европа.

– А чем они хоть занимаются?

– Косметика, бытовая химия, лекарства – на основе трав. Несколько предприятий, объединенных в ассоциацию. Генеральный директор один. Он и нанял детективов.

«Но, может, погибшие занимались контрабандой?» – подумала я. Могли они иметь какие-то личные связи с кем-то из местных? Поставлять что-то в обход хозяев? Но что?!

– Наркотики? – спросила я у Афганца.

– Из России – сюда? – усмехнулся он. – Если бы уж поставляли, то наоборот.

Ну и шампуни с порошками сюда бы гнать не стали… Тем более контрабандой.

– Все погибшие знали друг друга?

– Брат хозяина и тот мужик, которого зарезали в самолете. И другие двое – друг друга.

– А ты не в курсе, представители других уголков нашей необъятной родины тут умирали насильственной смертью или как?

– Насколько известно Володе – нет.

Значит, нам ничто не угрожает? Хотелось бы в это верить.

Глава 4

28 декабря, вторник, вечер

После захода солнца мы с Веркой и Сашкой решили улизнуть из гостиницы, пока за нами не зашли мужчины. Все-таки следовало сделать запланированное на вечер. Я надела летнюю юбку чуть выше колена и хлопчатобумажную кофточку с коротким рукавом. Верка – длинные шорты и подобную моей кофточку. Верке нельзя носить юбки: у нее большой бюст и узкие бедра. Ей лучше всего подходят всякие штанишки, в юбке же она смотрится как свиноматка. Сашка был в длинных шортах и футболке с тигром на груди.

В холле гостиницы мы никого из знакомых не заметили, Костя обретался в номере у своей испанки, красивые девочки-креолки оставались за стойкой портье. Их больше не осаждали горячие сибирские парни. Или они уже смогли договориться?

На всякий случай мы решили не ловить такси у гостиницы и прошли немного вперед, заглянули в несколько магазинов и остановили темно-синюю машину с закрытым верхом и лобовым стеклом, но открытую со всех других сторон. Водитель слышал про Россию, шутил с нами по дороге на разных языках, даже показал, где можно вкусно и недорого поужинать, послушать местную музыку и посмотреть танцы аборигенов. До аэропорта мы доехали быстрее, чем добирались в гостиницу на автобусе. Правда, наш водитель не особо утруждал себя соблюдением правил дорожного движения, но, надо отдать ему должное, очень ловко маневрировал в потоке машин. А движение тут было бурным и гораздо более оживленным, чем в первой половине дня, когда мы ехали из аэропорта.

Наконец мы вышли у нужного строения из бетона и стекла, расплатились с водителем и вошли внутрь. Кондиционеров в здании аэропорта явно не хватало.

– Что ты хочешь делать, мама? – спросил Сашка.

– Надо осмотреться и подумать, кому лучше дать взятку, – сказала я.

Раз Ольга говорила, что в этой стране только деньги открывают двери и без взятки нельзя получить ничего, а за нее – все, что хочешь, я считала: мы сможем купить тут интересующую нас информацию. Склонялась к тому, чтобы

поговорить с носильщиками. Верка заявила, что полицейские должны больше знать. Мне лично с ментами, даже черными, связываться не хотелось – никогда и нигде, и в списке моих предпочтений они занимали свое традиционное последнее место. Мент – это состояние души, и, какую взятку ему ни давай, он всегда остается ментом. Лучше бы нам найти кого-то из бывших местных зэков, промышляющих в районе аэропорта. Должна же тут быть своя черная мафия?

Я предложила сыну и подружке прогуляться, держа глаза и уши раскрытыми. Здесь вполне могут оказаться валютчики, карманники и еще какие-то представители криминального мира Замбары. В крайнем случае пойдем к носильщикам.

– Да, их кто-то должен контролировать, – заметила Верка.

– Такси! – вдруг воскликнул Сашка. – Неужели тут нет таксистской мафии? Неужели тут не ловят клиента, как у нас? И не отсекают чужих?

– Даже если и есть, они нам не подходят. Сами таксисты могли быть в разъездах и не видеть ничего вообще, а те, кто ловит пассажиров, все-таки заняты живыми. Им некогда смотреть на трупы.

Аэропорт оказался средних размеров: он не тянул на масштабы франкфуртского или копенгагенского, но раза в два превышал Пулково. Мы быстро разобрались, где тут пункты прибытия, где – отправления и где какие службы расположены. Решили потусоваться у зоны прибытия – вроде мы встречаем кого-то из своих, тем более что в ближайшее время, судя по информации на табло, следовало ожидать три рейса – из Амстердама, Франкфурта и Мельбурна. Ко времени появления первых пассажиров понабежало и множество встречающих, среди которых большинство было чернокожими, но мелькнуло и несколько белых лиц. Наша троица ни у кого интереса не вызывала. На табличках встречающих бросались в глаза или названия фирм, или фамилии туристов, или слово «Taxi». Многие встречающие были хорошо знакомы друг с другом, явно работали тут не первый год.

Первым приземлился рейс из Амстердама, однако прилетели на нем в основном не голландцы, а американцы. Конечно, Амстердам – перевалочная база, и я сама всем компаниям предпочитаю «KLM», так что выбор американцев неудивителен. Шума от них, правда, всегда многовато, а если посмотреть, как одеты их

женщины, просто становится дурно. Но, с другой стороны, у них нет комплексов.

Внезапно Сашка дернул меня за руку и показал глазами в нужную сторону. Сквозь ряд американцев протискивались трое молодых аборигенов. Я дала бы им на вид лет по пятнадцать-шестнадцать. Если бы такие появились у меня за спиной, я тут же насторожилась бы, но американцы не приучены к борьбе за выживание в своей сытой Америке. Мне же доводилось видеть нечто подобное на наших вокзалах, и я в свое время проводила соответствующую работу с Сашкой – чтобы он не попался. Как показывала практика, мои уроки не прошли даром. Парнишки двигались в нашем направлении.

– Что будем делать? – спросил Сашка тихо.

– Посмотрим, куда они пойдут дальше. Думаю, эти смогут ответить нам хотя бы на часть вопросов.

Среди американцев все-таки нашелся кто-то бдительный и завопил, пытаясь схватить одного из парней. Но наивный американец не знал, что бумажник-то давно уже у другого, в эту минуту выходившего из толпы. А американцы сами виноваты – надо быть полными идиотами, чтобы засовывать бумажник в задний карман джинсов. Пара юношей быстро затерялась в толпе чернокожих, к группе же американцев, державших третьего паренька, уже спешили двое полицейских. Мальчишку обыскали при всех и, конечно, не нашли ничего, кроме нескольких засаленных местных купюр. Он в слезах объяснял, что приехал сюда посмотреть на огромную елку, установленную в зале (она тут в самом деле была). В автобусе познакомился с другими мальчишками, тоже направляющимися в аэропорт. Видел их впервые в жизни, даже не знает, в каком районе Хабебе они живут – и вообще живут ли в Хабебе. Он просто решил держаться с ними, втроем-то веселее. Он смотрел на американцев и полицейских честными глазами, полицейские записали данные обворованных американцев, клятвенно обещали провести расследование и вернуть украденное. Это дело чести полиции Замбары! Полиция и граждане Замбары не хотят, чтобы иностранные туристы плохо думали об их государстве, и приложат все усилия, чтобы пребывание иностранных туристов в стране было приятным. Процедура общения местной полиции с американцами закончилась как раз ко времени появления пассажиров, прилетевших из Мельбурна. Мальчишку крепко взяли чуть повыше локтя и потащили к опорному пункту. Мы с Сашкой и Веркой последовали за ними.

Мои предположения оказались верными. Полицейские не дошли до своего опорного пункта, а завернули на эстакаду, куда подходили автобусы, там быстро проследовали до входа во второй зал, где их уже ждали двое других парней. Мы притаились за колонной. Если бы мы не смотрели внимательно, то и не заметили бы быстрой передачи денег: старший из парней сунул что-то в руку полицейского, после чего стражи порядка развернулись и покинули зал. Хоть честь не отдавали воришкам – и то слава богу! Парни остались в зале отправления. Здесь было менее оживленно, хотя самолеты и улетали – ведь многие иностранцы приезжают в чисто рождественские туры, а Новый год справляют уже дома. Парни не спешили, лениво наблюдая за регистрирующей билеты группой.

– Все вместе пойдем? – спросила Верка.

– Лучше мне одному, – предложил Сашка. – Скажу, что две тети хотят у пацанов кое-что купить.

– Э, нет, пойдем-ка мы с тобой вместе, а тетя Вера спрячется за колонной.

– Здесь нет таких колонн, – ехидно заметил Сашка. Верка хотела ухватить его за шкирку, Сашка ловко отпрыгнул, я последовала за ним, и мы в мгновение ока очутились рядом с юношами. Верка скрылась, но я не сомневалась: ее любопытный нос постоянно следит за нами.

При виде нас с Сашкой юноши хотели уже дать стрекача, но я, подобно фокуснику, извлекла из кармана заранее приготовленную двадцатидолларовую купюру и провела ею по воздуху перед носами у юношей.

– Мне нужна информация, – сказала я.

Юноши переглянулись.

– Не происходило ли сегодня в аэропорту чего-то необычного?

– Что именно вы имеете в виду под словом «необычное», мадам? – сказал старший из трех на хорошем английском.

– Мама, все надо называть своими именами, – сказал мне Сашка по-русски и обратился к парням на английском: – Нас интересует, видели ли вы, как выносили труп?

Парни опять быстро переглянулись, потом старший сказал:

– Предположим.

– Чей он, известно?

– Если вас интересует труп, мадам, мы можем все о нем выяснить. Все, что известно нашей полиции. Но это будет стоить дороже, – парень посмотрел на купюру в моих руках.

– Сколько?

– Сто баксов.

Я кивнула и уточнила, когда смогу получить полную информацию о трупе. «Завтра в это же время», – ответили мне. Я задумалась. Завтра в это же время мы с группой должны быть уже в охотничьем лагере, а он находится на приличном расстоянии от Хабебе. Оттуда на такси не очень-то и доедешь, а если и доедешь, то привлечешь внимание своим долгим отсутствием.

– Через три часа – и двести долларов в добавление к этой двадцатке, – сказала я. Деньги-то все равно не мои, а извлеченные Веркой из кармана трупа. Пусть и поработают на сбор информации о нем. Верка, конечно, взовьется к потолку, она терпеть не может тратить деньги, которые уже посчитала своими. Но с ней я разберусь. Не в первый раз.

Парни переглянулись, кивнули и обещали быть здесь через три часа. Старший протянул руку за двадцатидолларовой купюрой.

– Кстати, где сейчас труп? – уточнила я перед тем, как передать деньги.

– Наверное, в городском морге.

– У вас в городе один морг?

– Нет, мадам. Но всех иностранцев свозят в один.

Я отдала деньги, юноши меня исключительно вежливо поблагодарили и проследовали к выходу из зала отправления. Мы с Сашкой поспешили к Верке. Как я и предполагала, последовала сцена, которые я называю сценами жадности (они у Верки получаются гораздо лучше, чем сцены ревности, потому что ревновать ей некого, а Костю она сама готова отдать в хорошие руки – только бы деньги платили). Но в конце концов мы с Сашкой смогли убедить Верку: для того чтобы что-то получить, надо вложить кое-какие капиталы. Все-таки мы вкладываем не свои, а получать будем уже только для себя.

– Где ты тут намерена получать бабки? – посмотрела на меня Верка.

– Не здесь, а в Сургуте. Ты невнимательно слушала Афганца.

Я пояснила ей ход своих мыслей. Некий богатый предприниматель, чье имя, по-моему, можно выяснить без особой сложности, нанял Володю – или его охранно-детективное агентство, что, наверное, одно и то же – для расследования смерти своего брата и еще двоих человек. Володя уже лопухнулся: человека из той же фирмы кокнули в самолете после получения детективом задания. Выяснит Володя что-то в Замбаре или нет – вопрос спорный.

– Да, я всегда была невысокого мнения о детективных талантах мужиков, – кивнула Верка.

Если же мы разберемся с ситуацией, то вполне можем получить причитающийся Володе гонорар, представив нанимателю доказательства случившегося. Или просто рассказав о том, что нам удастся раскопать – наниматель же не судья. Более того, развлечемся на отдыхе, пока мужики охотятся на слонов, леопардов или на кого они там собирались. Вечерами нам тут делать нечего в любом случае. Днем загораем и купаемся, а вечером-то что – как мужичье, квасить до потери пульса? Самое милое дело – заняться сбором информации и окупить поездку.

– И с этого нанимателя стребуем окупить нам авиабилеты, – поддакнула Верка. – И компенсировать разницу с первым классом! Вообще, он вполне мог бы сразу

же нанять нас, а не этого Володю.

– Он не знал о нашем существовании, тетя Вера. Но, думаю, от нашей компании познакомиться с ним в Сургут слетаете вы, – ехидно улыбнулся Сашка. – У мамы ведь турфирма, у меня – школа, а вы в Сургуте еще и подзаработаете. Там народ денежный! Может, новый заказ на сбор информации получите. Лучше в жарких странах. Мама, я хочу в Австралию!

– Что там делать? – посмотрела я на Сашку.

– На медведей смотреть. У них же там какие-то особые медведи. Я что-то помню из школьной программы. И кенгуру там есть. Я помню, как дядя Костя как-то «В мире животных» смотрел. Очень ему кенгуру понравились.

– Пусть испанка и свозит дядю Костю на кенгуру посмотреть, – заметила Верка. – В свадебное путешествие.

– Ладно, что мы тут стоим? – сказала я. – Поехали ужинать. У нас три часа.

Мы вышли из здания аэропорта, сели в первое такси из стоявших ровным рядком машин и попросили отвезти нас к нужному ресторану.

– О! – кивнул таксист. – Музыка! Танцы!

Этот парень плохо говорил по-английски, но мы получили подтверждение, что выбор сделали правильный. Правда, в дальнейшем мы изменили наше мнение.

В ресторане мы сразу же попросились в кабинку, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Белые в любом случае привлекают внимание в стране чернокожих, а белые женщины – в особенности. Правда, в ресторане сидели в основном люди нашего цвета кожи.

Зал был большим. У одной стены находилась полукруглая сцена, на которой стояли барабаны различной формы и высоты. Оставалось много места для танцев. Столики размещались перед сценой, и на всем пространстве зала между ними имелись широкие проемы. У стен шли кабинки, в одной из которых мы и расположились. Народ, правда, предпочитал столики поближе к сцене.

Метрдотель, говоривший на английском, французском и немецком, тоже пытался убедить нас сесть поближе к сцене, но мы отказались. Когда он спросил, откуда мы, я сказала, что из Австралии. «Кенгуру», – пояснил Сашка. Метрдотель заулыбался, видимо, тоже слышал про кенгуру. Или смотрел передачу какого-нибудь местного Сенкевича.

Мы сделали заказ чернокожему стройному юноше. Он удалился, и сразу же к нам подошел мужчина более старшего возраста с плетеной корзинкой, в которой лежали теплые булочки. На столах стояли подобные корзинки, только меньших размеров, в которые нам положили по две булочки каждому. Они были настолько мягкими и воздушными, что при нажатии большим пальцем корочка опускалась до основания, потом поднималась.

– Вкусно, – сказал Сашка, запихав в рот чуть ли не половину булочки.

– Подожди, не перебивай аппетит, австралиец, – заметила я.

– Я не поняла: почему мы вдруг заделалась австралийцами? – спросила Верка.

– Не нужно привлекать к себе внимания, – ответила я. – Мало ли что.

Нам принесли местное красное вино, которое мне очень напомнило по вкусу разливаемое в Выборге, недалеко от финской границы. Туда приходят цистерны с французским (так меньше пошлины, да и разлить его у нас стоит дешевле, чем во Франции), и его потом продают в трехлитровых упаковках.

Когда мы приступили к салату (нечто национальное, из множества различных овощей и кальмаров, нарезанных крупными кусками), началось представление. Мускулистые негры били в барабаны, трещали какими-то трещотками, трясли колокольчиками. Звуки получались приятными для уха, и, главное, хотелось пуститься в пляс. Танцевали женщины – молодые негритянки, все чернокожие, у этих в родословной белые точно отсутствовали. Одеты были ярко – в красные и желтые одежды: длинные, взлетающие вверх легкие юбки и что-то среднее между бюстгальтером и кофточкой. Я бы назвала это бюстгальтером с рукавами. Животы у всех были голыми, и работали они ими так активно, что, казалось, внутри у них танцуют сами кишки.

Женщины спускались в зал, садились на колени к белокожим мужчинам, вытаскивали их танцевать. Мужикам это нравилось. К сидевшим в кабинках девушки не подходили. Когда нам принесли мясо, в зал с шумом вошли сибиряки, возглавляемые знатоком маньяков Витей. К счастью, мы были скрыты от взоров вошедших: все кабинки оставались погруженными во мрак, но площадка у входа освещалась неплохо, поэтому мы смогли рассмотреть всех шестерых сибиряков. Они уже где-то поднакачались.

– Ой, какие бабы! – воскликнул Серега на весь зал. – Хочу черную!

И Серега резво поскакал к сцене, на полпути встретился с двумя большегрудыми негритянками, приобнял их обеими руками за талии, и вся троица бодро закружилась на свободном пространстве. Затем Серега негритянок выпустил и исполнил сольный номер, хлопая себя по ляжкам и кроссовкам. Чувство ритма у Сереги было отменное. Народ ему аплодировал.

Сибиряки расселись в центре зала, соединив два стола. К ним тут же примчались два чернокожих официанта и дядька с булками. Первым делом принесли пиво, которое молодцы стали лениво посасывать, глядя на плясавших на сцене чернокожих красоток. А красотки старались. Видимо, не в первый раз видели русских. После второй порции пива двое сибиряков удалились в недра заведения, двое остались за столом, Серега опять решил сплясать, Витька составил ему компанию.

Мы уже доели мясо и допивали вино. Сашка хотел еще мороженого. Я посмотрела на часы. Пожалуй, мороженое придется съесть в другом месте – чтобы им насладиться.

– Под стол!!! – вдруг прошипела Верка и первой юркнула вниз.

Не задавая лишних вопросов, мы с Сашкой мгновенно последовали ее примеру, обнаружили, что под полукруглым диваном тоже достаточно места – и юркнули туда.

Как раз вовремя – трое каких-то типов в масках уже полосовали по ресторанному залу из автоматов. Тетки визжали, мужики орали, уже кто-то стонал, рушилась мебель, билось стекло. Грохот стоял невообразимый. Мы втроем сидели, прижавшись друг к другу и тяжело дыша, выглянуть не

решались. Пуля-то ведь – дура, заденет еще какая-нибудь шальная, не дай бог! Только и не хватало – погибнуть во цвете лет, к тому же в Африке! Правда, репатриация останков входит в нашу страховку, не к месту вспомнила я.

Наконец у двери послышался какой-то приказ на неизвестном нам с Веркой и Сашкой языке (видимо, местном, хотя, как нам говорили, тут у каждого племени свой диалект), и выстрелы прекратились. Примерно через минуту я первой решилась высунуть свой любопытный нос из-под дивана.

Зал превратился в груду обломков и кучу трупов… Раненые стонали. На сцене было слишком много красного, и это были не только красные одежды танцовщиц…

– Сматываемся отсюда, быстро, – сказала я Верке с Сашкой.

Второго приглашения им не потребовалось. Мы все вылезли из-под дивана, мы с Веркой прихватили свои сумочки – и рванули в сторону кухни. Выходить через парадный вход не хотелось.

Служебные помещения оказались пустынными. Все смотались через черный ход? Или сидят в каком-нибудь подполе? Интересно, у них тут часто стреляют? Почему Ольга нас не предупредила? Эх, получу я от туристов по голове… Стоит ли гонять сюда группы? Все эти мысли пролетели у меня в голове с космической скоростью. Их бег прервала Верка.

– Ланка, у тебя мешок какой-нибудь есть в сумке?

– Что?

– Вина возьмем с собой.

Но Сашка уже заметил какой-то валявшийся на полу большой черный полиэтиленовый пакет, Верка выхватила из наполовину пустого ящика три бутылки вина, сунула их в пакет, и мы понеслись дальше. В процессе бега заметили корзину с булками, Сашка сунул по штуке в каждый из глубоких карманов своих шорт, я тоже прихватила парочку, засунув в сумку, Верка кинула пяток в пакет. После чего мы вылетели на какую-то тихую пустынную улицу, где

стояли мерзко вонявшие мусорные баки. Мы рванули по улочке. Несколько раз нам дорогу перебегали крысы величиной с хорошего кота. Людей не было. Никаких криков не раздавалось. Но где-то невдалеке слышался шум оживленного движения.

Мы довольно быстро домчались до улицы, перпендикулярной этой, тихой. Там уже ходили машины, правда, редко. Мы нормальным шагом проследовали к оживленной трассе.

– Мы что, только втроем спаслись? – спросил Сашка, немного придя в себя.

– Можешь вернуться и выяснить точно, – ответила Верка, извлекая из пакета бутылку и прикидывая, как бы нам ее открыть. Чего-чего, а штопора у нас с собой не было. Я бы лично предпочла сейчас что-нибудь покрепче, лучше виски. Как оказалось, Верка тоже, но виски не было, а вино к тому же досталось бесплатно.

– Давай брать количеством, – предложила подружка.

Наконец мы вышли на оживленную трассу. Нам было пора ехать в аэропорт. Только вначале требовалось перейти на другую сторону улицы, чтобы поймать машину. Но пешеходные переходы и светофоры отсутствовали по определению.

– Может, тут просто нужно ступить на тротуар – и машины остановятся? – спросил Сашка. – Давайте попробуем.

– Давайте не будем, – сказала Верка. – Под пулями не погибли, под машиной тем более не хочется. Несолидно как-то. Лучше поищем какой-нибудь переход. Может, тут подземные имеются?

Сашка предложил идти обратно – мимо разгромленного ресторана. Интересно взглянуть, что там сейчас делается.

– Нет, нам лучше там не появляться, – заявила я.

Хотя негры далеко не всегда могут запомнить и опознать белых (как и мы – представителей негроидной расы), но нашу компанию, состоящую из двух

женщин и подростка, вполне могут узнать оставшиеся в живых сотрудники ресторана. Если они, конечно, будут давать полиции показания. И если полиция их вообще найдет – уцелевшими.

Где-то вдалеке завыла сирена, через несколько минут мимо нас, шествующих в противоположную от ресторана сторону, промчались две машины с мигалками. Значит, полицию все-таки вызвали. Интересно, из сибиряков кто-то остался жив? Вообще-то двое удалялись отлить из организма переизбыток пива… И не возвращались. Значит, надо надеяться, что они смотались вместе с персоналом ресторана. Но остальные-то парни… Жалко ребят.

– Ланка, переход! – вдруг ворвалась в поток моих мыслей подружка и показала на нарисованные на асфальте традиционные белые полосы.

Но светофора и тут не было. Мы остановились в задумчивости. Пока стояли, к переходу подошли трое пьяненьких немцев и, не обращая внимания ни на нас, ни на машины, пошли через дорогу. Мы пристроились за ними. Все машины тут же встали.

– А не попросить ли у них штопор? – предложил Сашка.

– Валяй, – кивнула я.

Сашка взял из Веркиных рук одну бутылку и жестами показал немцам, что нам нужно. Нас поняли мгновенно, из кармана извлекли нож со штопором, сами открыли. Верка, расплывшись в профессиональной улыбке, пропела: «Дружба – фройндшафт», хотя, наверное, не стоило этого делать после ее не очень удачного опыта в самолете. Здесь опыт оказался тоже не совсем удачным: фрицы полезли к нам лобызаться. Мы насилу отделались, отдав им одну бутылку (закрытую), после чего поймали машину и отбыли в аэропорт, пустив вино по кругу. Закусывали булочками. Шофер вел машину, не обращая на нас никакого внимания. Наверное, думал, что опять ему попались какие-то сумасшедшие иностранцы.

Трое юношей уже ждали в оговоренном месте. Посмотрели они на нас как-то странно. Мы приблизились вдвоем с Сашкой, Верка осталась за стеклянными дверьми зала отправления, чтобы войти чуть позже и встать в сторонке.

– Добрый вечер, мадам, – поздоровались со мной вежливо. Сашке кивнули.

– Вы меня чем-нибудь порадуете? – спросила я.

Мне протянули бумажку с адресом морга, где находится труп (хотя об этом я не просила: забирать его с собой в Россию не собираюсь), потом пояснили, что ведется расследование.

– Кто ведет дело?

Мне назвали имя комиссара полиции, я его записала, потом пояснили, что местная полиция уже послала запрос во Францию. Убийство произошло на борту лайнера, принадлежащего французской авиакомпании, то есть на территории Франции, – так поняли парни из объяснений, полученных ими у своих знакомых. Вообще, по-хорошему, труп должны переправить во Францию, и местная полиция не горит желанием заниматься лишним расследованием – тем более убийства иностранца. По всей вероятности, в Замбару в ближайшее время прибудет представитель французской полиции. Пока что у трупа сняли отпечатки пальцев, сфотографировали его и эти данные отправили тем же самолетом в Париж. Обратный вылет был задержан на три часа – что, кстати, взволновало компанию Эр Франс гораздо больше, чем труп на борту. Компания Эр Франс предоставила местным властям списки пассажиров, чтобы выяснить, кто не прошел паспортный контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhukova-gladkova_mariya/afrikanskaya-ohota-dlya-dam

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити